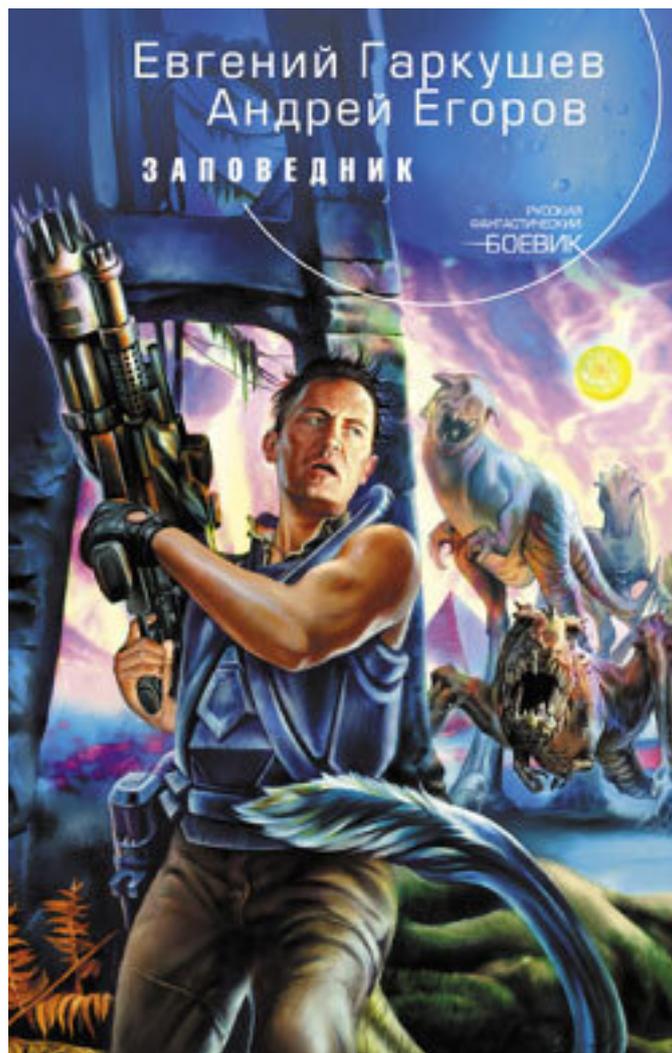

Евгений Гаркушев
Андрей Егоров
ЗАПОВЕДНИК

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА
— БОЕВИК

Андрей Егоров

Заповедник

«Автор»

«Автор»

2006

Егоров А. И.

Заповедник / А. И. Егоров — «Автор», «Автор», 2006

Из-за череды аварий члены экипажа звездолета «Семаргл», которых трудно назвать «отважными космопроходцами», вынуждены опуститься на планету только что открытой звездной системы в спасательном челноке. Свирепые твари, чудовищные монстры, погубившие почти весь экипаж корабля, были не самым страшным что ожидало уцелевших. Члену экипажа Антону Делакорнову предстоит сражаться не только с коварным и жестоким инопланетным врагом, но и с земными трусостью и предательством...

© Егоров А. И., 2006

© Автор, 2006

© Автор, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вот приходят к нам существа, не осознающие ни мерзости своего бытия, ни его причин! Вот они стучатся в почтенные двери этого достойнейшего Собрания, и что же мы можем ответить им, всем этим блудницам, суррогантам, тошнякам, мамоедам, трупоницам, заламывающим свои псевдоручки и падающим со своих псевдоножек при известии, что они относятся к псевдотипу «лжетвари», что их Совершенным Творцом был случайный матрос, выплеснувший на скалы мертвой планеты ведро перебродивших помоев, ради забавы наделив эти жалкие зародыши свойствами, которые сделают их посмешищем целой Галактики!

Станислав Лем. Звездные дневники Йона Тихого

Эту речь я хочу начать вовсе не с восхваления отважных первопроходцев, как многие могли бы от меня ожидать, но с призыва ко всем присутствующим. Я предлагаю всем выразить самую горячую благодарность российским конструкторам, разработавшим замечательные системы аннигиляции продуктов жизнедеятельности, которые не позволяют этим... хм... отважным первопроходцам загадать весь цивилизованный космос!

Адмирал Иван Петров. Предстартовое слово

Глава 1

Черные ветви шумели над головой. Сполохи далеких зарниц освещали ночное небо. Вверху метались, множились мрачные тени. Антон лежал на поросшем чахлыми деревцами склоне холма, в зарослях красного хвоща, среди руин древних построек. Когда-то здесь была круглая башня. Или сложенный из крупных валунов блиндаж. Остались только камни. По грудь человеку, по колено монстрам, от которых он прятался.

Антон вспомнил, как десять минут назад он, оступаясь и падая, мчался через густой подлесок. Следом неслись крупные, зубастые твари. Они обходили его полукругом, ревели и верещали, загоняя в ловушку. Он даже не знал, как эти чудища называются. Видел только тяжелые складки кожи над глубоко посаженными глазами, кинжальные зубы в два ряда и короткие мощные лапы с острыми когтями.

Бежать по изрезанной мелкими овражками местности было тяжело – мешал хвост. Полезный при беге на равнине и помогающий при прыжках с ветки на ветку в густых зарослях молодых деревьев, хвост все время цеплялся за колючий кустарник. Он саднил и кровоточил. Гладкий коричневый мех во многих местах ободрался, обнажив изъязвленную розовую кожу.

Спрятав хвост под куртку, Антон проверил винтовку. Первая обойма наполовину пуста. Двадцать зажигательных пуль он истратил на бой со слизнями – еще до гонки через молодой лесок. Слизня, кроме как зажигательной пулей, ничем не возьмешь. Рубить его бесполезно – срастается моментально. Граната отшвыривает упругую гадину в сторону. Но слизень быстро возвращается на позицию. Лазерный луч прожигает в скользкой твари дыру. Но тварь мигом восстанавливается. Дыра затягивается, и слизень снова в порядке. Только еще более голодный. И с утроенным рвением устремляется к добыче.

Поэтому, когда штук десять слизней низринулись перед Антоном с молодых гибких деревьев, боезапаса он не жалел. Мини-заряды объемного взрыва при удачном попадании сжигали тварей.

Штук шесть он сжег. Остальные, почуяв запах паленой плоти сородичей, уползли.

Будь они чуточку умнее – накинулись бы всем скопом и, потеряв одного-двоих, покончили с ним. Выходит, только благодаря их несообразительности и инстинкту самосохранения,

плоть все еще у него на костях, а не в пищеварительных путях слизи. Но, возможно, судьба сохранила его для еще более страшной участи. Слизень, по крайней мере, убивает быстро и почти безболезненно. Его внешний пищеварительный сок, говорят, даже снабжен анестетиком. Заснув поблизости от слизи, можно просто не проснуться. Он растворит тебя тихо, без лишнего шума. А то, что ожидает заблудившегося в лесу, может быть гораздо более неприятным...

Над руинами мелькнула крылатая тень. Сфицерапс. Огромные кожистые крылья, острое ночное зрение, длинный загнутый книзу клюв.

Резко, одним отработанным щелчком переключив винтовку на стрельбу из третьей обоймы, Антон выпустил в небо облако сверхтвердых игл. Сфицерапс заклокотал, изменил направление полета и ушел за дальние высокие деревья. Теперь жди гостей!

Какое-то время ничего не происходило. Начал накрапывать мелкий теплый дождик, потом над горизонтом поднялась вторая, голубая луна. В это время года она появляется незадолго до восхода солнца. Антон уже надеялся, что дождется рассвета. С рассветом может прийти помощь. Но еще раньше придут новые монстры...

Солнце еще не взошло, когда со стороны леса раздался звук гулких, сотрясающих землю шагов. Это не слизи и не вортексы. Это – хранты. Обычно они нападают даже на броневики, опрокидывают машины. Или таятся в зарослях, ожидая нужного момента, выпрыгивают и перекусывают пополам вертолеты. На отдельных разумных особей хранты нападают крайне редко. Но если эту особь нужно выкурить из удобного укрытия...

Антон влез на высокий и широкий валун круглого каменного вала и в голубом свете луны увидел надвигающиеся со стороны леса махины. Хранты, казалось, были слеплены из одних только мышц и зубов. Имея более чем приличную массу, они прыгают на высоту в два своих роста...

В разрушенной каменной крепости, где Антон укрылся от слизи, спасения от хрантов не было. Наоборот, рухнувшая башня стала его ловушкой. Лес стерегут слизи, равнину – вортексы. А хранты раздавят его и в кольце камней. Преграду они даже не заметят.

Можно ли свалить хранта кумулятивной гранатой? Теория говорит, что можно. Но на практике нужно попасть в уязвимую точку. А таких две: голова, точнее, ее лобная часть и некоторые участки когтистой нижней лапы. Только значительные повреждения мозга или перелом несущей кости способны остановить несущегося к добыче хранта. Выстрела иглами он даже не заметит. Зажигательная пуля лишь раззадорит хищника.

Во второй обойме у Антона сохранились все четыре кумулятивные гранаты. Хрантов – три. Редкому мастеру стрельбы удавалось завалить хранта одной гранатой. А уж трех хрантов подряд свалить тремя удачными выстрелами – байка из охотничьего фольклора...

Переключив винтовку на стрельбу из первой обоймы, Антон нажал на спусковой крючок. Зажигательная пуля угодила твари точно в голову. Эх, если бы он не пристреливался, а сразу воспользовался гранатой! Тогда одним хрантом на свете стало бы меньше...

Зажигательная пуля лишь опалила морду чудовища. Хрант издал утробный рев и ускорил бег. Его сородичи не отставали ни на шаг.

«Была не была», – подумал Антон, щелкнул переключателем и выстрелил в лапу первой твари. Хрант споткнулся и завалился на землю, ломая кусты своим тяжелым, мускулистым телом. Что ж, даже если кость не сломана, скоро он не встанет. Хранты редко падают, но, если упали, подняться им тяжело – у этих монстров после падения плохо работает вестибулярный аппарат.

Три гранаты на двух хрантов – уже лучше. Антон выстрелил снова, целя в морду следующего зверя. В последний момент хрант мотнул головой, и граната пронеслась мимо, срезала верхушку молодого дерева и разлетелась во влажном воздухе снопом ярких белых брызг.

Две гранаты на двух хрантов – совсем неважно... Антон вновь выстрелил. На этот раз попал точно в голову. Выдохнул с облегчением. Зверь сделал несколько шагов и тяжело рухнул.

Один хрант. Одна граната. Прوماхнешься – верная смерть. Попадешь – останется хоть малая толика надежды уцелеть в этом аду, досидеть до прибытия своих.

Антон дождался, когда хранту осталось сделать до камней максимум три прыжка. С такого расстояния нельзя промахнуться. Выстрел! Граната пришлась зверю в лоб. Твердая черепная коробка разлетелась на куски. Безголовый хрант бежал дальше. Антон отпрыгнул в сторону, но тяжелый хвост падающей твари сбил его с ног. Рот наполнился кровью. В глазах потемнело.

«Это еще не конец», – убеждал себя Антон. А со стороны леса надвигалось что-то серебристое, эфемерное. Зрение расплывалось. От этого нового, неведомого противника исходил ужас. Враг таил в себе какую-то неведомую угрозу.

Переключив винтовку на выстрелы одиночными, Антон пальнул в странного монстра иглами. Рассеивающий эффект поможет достичь цели. Зверь вдруг засеребрился, засверкал, ногу Антона обожгла жестокая боль. Непонятно, сломана ли кость, но кровь хлещет, течет в сапог...

Чем этот гад плюнул в него?! Кажется, тоже иглами. Какая же мерзкая тварюга! Антон переключил винтовку на стрельбу столь полезными и так быстро кончающимися зажигательными пулями и выстрелил снова. Моргнув, в глазах на мгновение прояснилось, и Антон увидел, как заряд отразился от серебристой кожи полупрозрачного чудовища, словно от зеркальной поверхности, и устремился в обратном направлении. Увернуться Антон не успел. Он ощутил жгучую боль в груди, и крошечная тьма ворвалась мутным потоком в его сознание...

Антон очнулся на носилках, в узком коридоре звездолета. Его тащил, временами задевая о стены, старший механик Кирилл Яловега и механик второго класса Паша Белочкин. Молодой человек приподнял голову и огляделся по сторонам. Да, он снова на «Семаргле», а не в диких джунглях незнакомой планеты. Просто расслабился на рабочем месте! И надо же такому привидеться!

– Очухался?! – услышал Антон. Голос у Яловеги был самым недовольным. Старший механик бывал счастлив крайне редко, только в те минуты, когда ему удавалось сказать кому-нибудь очередную гадость: – Чего принимал, Делакорнов, жалкая ты личность?

– Ничего, – выдавил Антон. В глазах у него все еще стояло увиденное. Сложно отвечать на вопросы, когда ты только что воевал с чудовищными, смертельно опасными тварями.

Белочкин хмыкнул. Антон решил, что при случае поговорит с ним.

Сгрузив коллегу в больничной каюте, механики отправились восвояси. А за Делакорнова взялся корабельный врач, Михаил Соломонович Химель. Принялся слушать его и обстукивать.

– Здесь болит? Здесь болит? В глазах не двоится?

– Не двоится, – пробурчал Антон. – Спал сегодня мало. Думал. Скажите, доктор, если человеку кажется, что у него есть хвост, и он воспринимает это как должное – что бы это значило?

Химель захлопнул чемоданчик с красным крестом и с сомнением посмотрел на Делакорнова. Молодой человек лежал на кушетке, сохраняя самый независимый вид. На его румянном лице нельзя было прочесть и тени стыда – лишь какое-то нездоровое возбуждение.

– Клиника таких синдромов может быть разная, – проговорил доктор Химель, пожевав влажными большими губами. – Точно могу сказать лишь одно: если вы будете и дальше злоупотреблять амфетаминами, мне придется сообщить об этом капитану.

– Сообщайте, – беззаботно заявил Антон, которому вдруг стало весело. Все-таки капитан – не хрант. – Не мешало бы ему приобщиться к чему-нибудь такому, что расширило бы его ограниченное сознание. Чем занимается наш капитан целыми днями? Сидит в виртуальной бильярдной или волочит за Инной... Хотя в этом вопросе, конечно, понять его можно...

Инна и вправду прелесть. Стройная, длинноногая. Прямо модель, а не биолог. Но вот бильярд – это ведь занятие для идиотов! Что можно придумать глупее, чем целыми днями гонять шары?

– Знаете, юноша. – Химель побагровел, уловив двусмысленность замечания и усилием воли вгоняя себя в состояние праведного гнева. – Не вам судить капитана! У него есть свои причины для такого поведения. – Доктор резко поднялся. – Соболаговолите соблюдать мои рекомендации! Я на вас рассчитываю!

– Ладно, ладно, Михаил Соломонович, – примирительно кивнул Антон. Он уже сожалел, что затронул скользкую тему. Химель не был капитанским «наушником» (так называли Колю Сумарокова, имевшего стойкую репутацию стукача), но при случае мог сказать капитану пару слов. Исключительно для блага пациента. – Я же просто пошутил! У нас что, теперь и пошутить нельзя?

– Только за дополнительную плату! Что вы разлеглись тут? Так и собираетесь коротать остаток смены? – с раздражением пробурчал Химель.

– Нет, конечно, – уверил доктора Антон, поднимаясь с кушетки. – Буду качественно выполнять свой долг. Как велела страна и фирма! Мы за это деньги получаем...

Взгляд его задумчиво блуждал по стеклянному шкафчику, в котором доктор хранил восстановительные растворы и растирки. Возделенные сердцу Делакорнова препараты лежали в стальном сейфе. Впрочем, шкафчик тоже был металлическим. Но металл, не использующийся в несущих конструкциях корабля, удовлетворял требованиям легкости, а не прочности. Поэтому шкафчик при желании можно вскрыть обычным консервным ножом. Подходящий нож, если Антон не ошибается, имеется у штурмана Новицкого. Правда, у Новицкого снега зимой не допросишься...

– Не паясничайте, – попросил доктор Химель и поправил очки. – Ведь культурный в общем-то молодой человек...

– Постараюсь оправдать ваше доверие, – пообещал Антон и пошел к двери. Над его головой вдруг вспыхнула оранжевая лампочка – нестандартная ситуация на корабле. Делакорнов шагнул за порог, но дребезжащий голос Химеля остановил его:

– Молодой человек, когда загорается оранжевый сигнал, все члены экипажа должны выслушать сообщение, а затем следовать инструкциям дежурного офицера корабля. Нарушение правил поведения влечет за собой лишение премиальных, а в случае тяжких последствий нарушитель может быть оштрафован... Странно, что я вынужден вам это объяснить!

Антон остановился, вернулся в кабинет и с тоской уставился на лампочку. На доктора ему смотреть не хотелось, а лампочка... Что ж, она, по крайней мере, чем-то разнообразила такую знакомую обстановку больничной каюты... Если бы замигали все три лампочки – оранжевая, красная и зеленая, – можно было бы устроить неплохую дискотечку, вроде тех, что на Земле проходят со светомузыкой. Может, Инна оставила бы тогда скучного капитана и присоединилась к веселью?

«Хотя, – подумал Антон, – что это я?! Если бы замигали три лампочки, было бы уже не до танцев. Это означало бы только одно: нам всем кранты. И „Семарглу“ – тоже».

– Внимание всем членам экипажа. Произошла рассинхронизация генератора удержания. Величина рассинхронизации – две наносекунды. Программистам и механикам срочно занять места согласно штатному расписанию! Повторяю: программистам и механикам срочно явиться на рабочие места!

Голос старпома Кияшова был, как всегда, суров. Он и в столовую приглашал, как на казнь.

Доктор тревожно взглянул на Делакорнова.

– Что бы это значило, Антон? Что такое этот генератор удержания? Я о нем слышу в первый раз.

Настал черед торжества молодого человека.

– Вы впервые слышите о генераторе потому, Михаил Соломонович, что он у нас никогда прежде не ломался. Генератор удержания, знаете ли, очень тонкая штука. Он, собственно, и удерживает звездолет в подпространстве. Если генуд перестанет работать или начнет работать некорректно, корабль разорвет в клочки. Может быть, выкинет во внепланковую область пространства. А то и в другую вселенную.

– В другую вселенную?! Как же такое может случиться?! – изумился доктор.

– А никто этого не знает, – хмыкнул Антон. – Живым туда перейти нельзя. Отличие физических констант, знаете ли... Там и звезды горят по-другому. Да и есть ли они, эти звезды...

– Так чего же вы здесь стоите?! – выкрикнул Химель. – Вы ведь механик?

– Механик. Да только если генуд начал сбоить – это амба. Чего зря беспокоиться, суесться? Лучше нам всем начать принимать амфетамины, барбитураты и прочие препараты, расширяющие сознание и тормозящие панику... Что-то подсказывает мне, что паника скоро начнется!

– Молодой человек, я, кажется, вас предупредил! – проговорил Михаил Соломонович. – Если вы сейчас же не примете мер к ликвидации поломки этого вашего генуда, я сообщу капитану! И вас лишат премии!

– Генуд не мой, а наш общий, – фыркнул Делкорнов. – А премия, возможно, уже никому не понадобится...

– Как это? – тревожно спросил Химель.

– Да вот так...

Беспечно насвистывая, Антон пошел по коридору в сторону генераторного отсека. За поворотом он перестал свистеть и ускорил шаг. Конечно, рассинхронизация на две наносекунды не настолько опасна. Критическая рассинхронизация – пять-десять наносекунд. Но из подпространства нужно выходить. Так предписывают все инструкции и устав космической службы. А с выходом из подпространства шутить не стоит...

Доктор Химель открыл сейф и, не запивая, проглотил оранжевую капсулу.

– Поймешь этих механиков, – дрожащими губами прошептал он, обращаясь то ли к стеклянному шкафчику, то ли к сейфу. – Жрут барбитураты и амфетамины, пьют спирт, настойки всякие! От Ушлепкина намедни валерьянкой разило и боярышником. А на сердечные боли не жаловался, только ухмылялся загадочно. Водки не было, он весь боярышник из аптечки и вылакал. Девяностопроцентный спиртовой раствор... А что же – работа нервная... Но ведь нужно знать меру! Ме-ру!

Михаил Соломонович с лязгом захлопнул дверцу сейфа. Несмотря на некоторую слабость, подмеченную им в своем характере, он все время боролся с ней и в отдельных случаях мог проявить подлинное мужество. Особенно если это мужество поддерживалось химическими препаратами...

– Вот так гораздо лучше, – заявил он вскоре, передернулся, словно от холода, поправил очки и решил прогуляться до камбуза. Пока решается проблема с этим проклятым генератором удержания, чтобы не назвать его совсем уже неприлично, можно и перекусить.

На мостике звездолета «Семаргл» паники не наблюдалось. Помимо капитана Зотова, присутствовало еще четыре человека. Из них один только старпом Кияшов должен был находиться здесь согласно штатному расписанию. Двое других, Байрам Камаль и Олег Зайчиков, представляли навигационную комиссию дальней космической разведки. Они должны были приступить к работе только по выходе в заданный район, но и сейчас почему-то ошивались на мостике – не исключено, в надежде поймать капитана на каком-то прегрешении и слегка поживиться за его счет. Кроме того, рядом с Зотовым стояла, улыбаясь, беспечная и, как всегда, великолепно выглядящая Инна Лазуренко.

Антон Делакорнов справедливо полагал, что капитан проводит большую часть свободного времени в ее обществе. Между Петром Викторовичем и девушкой закручивался стремительный роман, которому суждено было так же стремительно оборваться. Микробиолог, соблазненная высокими заработками дальнего космоса, следовала на «Семаргле» до пересадочного пункта за темной газопылевой туманностью Близницкого у невидимой с Земли звезды Гамма – вектор – девять Весов. Потом она намеревалась направиться к Эпсилону Змееносца, на одну из удаленных промышленных станций, специализирующихся на добыче платины. А звездолет Зотова должен был уйти по вектору Гаммы Весов, в разведывательно-коммерческий рейд.

Задача перед командой «Семаргла» стояла довольно простая, но хлопотная: найти планеты или кольца астероидов с запасами тяжелых металлов. И выполнить заодно правительственный заказ по составлению реестра планетных систем в этом малоисследованном районе Галактики.

– Где Яловега?! – прорычал Кияшов. Только что Камаль и Зайчиков поведали ему о том, как генератор удержания во время их полета на «Торе» рассинхронизировался на двенадцать наносекунд. Корабль вышвырнуло из подпространства на полтора световых года дальше, чем предполагалось, и они болтались в космосе всего в десяти парсеках от Солнца целых четыре месяца, пока их наконец не обнаружила поисковая группа. К этому времени они успели истратить все запасы продовольствия и съесть все кожаные кресла в кают-компании. Самые беспринципные и голодные звездолетчики к моменту прибытия спасателей уже с вожделием подумывали об аппетитной хромовой куртке капитана – которой он дорожил больше, чем всем имуществом корабля. Что самое обидное, команде звездолета «Тор» не только не выплатили компенсацию за неудобства, но даже не заплатили за вынужденный простой. Хозяева объявили, что экипаж сам виноват в сложившейся ситуации. Только членам семей исчезнувших (на Земле поговаривали, что съеденных) членов экипажа назначили пенсию. Этим ведали страховые компании, а не Рудный синдикат.

Старший механик Яловега действительно должен был находиться на мостике уже пять минут, но его все не было. Гости-навигаторы бравировали своим бесстрашием и выражали готовность, если потребуется, снова употребить в пищу что-нибудь неудобоваримое. Инна, напротив, начала проявлять легкое беспокойство. Девушка хлопала длинными ресницами, поглядывая на нервничающего капитана. Настроение Зотова обычно передавалось всем без исключения, но Инна, как самая восприимчивая, первой начала испытывать дискомфорт.

Когда Петр Викторович уже собрался взять работу старшего механика на себя, запыхавшийся Яловега наконец появился. Он дожевывал кусок пиццы весьма тошнотворного вида. Подавился, уронил его на пластиковое покрытие, подобрал, поспешно засунул в рот и пробормотал извиняясь:

– Обе... обедал.

Старпом Кияшов отвернулся и сжал кулаки, чтобы не сказать лишнего.

– Мне что, пожрать нельзя, в самом деле?! – выкрикнул Яловега, дожевав.

– Да я тебя! – не сдержался Кияшов, он собирался сграбастать механика за воротник, но капитан жестом остановил его.

– Готовитесь к долгому дрейфу, Кирилл? – осведомился он.

Старший механик проигнорировал язвительное замечание, занял свое место на мостике и бегло изучил информацию, поступающую с компьютера на шесть контрольных мониторов.

– Нет проблем! – пробурчал он. – Сейчас выйдем из подпространства, заглушим двигатель и быстро все наладим. Непосредственной угрозы для корабля нет.

– Но мы потеряем три дня! – рыкнул старпом.

– Полтора-два, – оптимистично отозвался Яловега. – А если неотреагируем, рискуем потерять несколько месяцев. Время – деньги! Ремонт влетит нам в копеечку. А своевременно

отлаженный генератор – залог успешного путешествия. Уложимся даже за сутки. Если премию положите. Можно только мне – мои дармоеды и так ничего не делают, но подстегивать их – это же ад крошечный...

Кияшов фыркнул, но промолчал. Зотов заявление старшего механика комментировать тоже не стал, высказался кратко, как обычно:

– Посмотрим.

Инна снова взмахнула ресницами и остановила взгляд на Яловеге. Тот подмигнул девушке, и она поспешно отвернулась, пока капитан не заметил неподобающего поведения старшего механика.

– А вы в курсе, что мы сейчас находимся в самом сердце туманности Близницкого? – осведомился Байрам Камаль.

– Я не навигатор, – откликнулся Яловега. – Курс прокладывает старпом. Вот пусть он и отчитывается.

– В курсе мы, в курсе, – проворчал старпом Кияшов. – Ну и чего? Предлагаете идти дальше? Или выйти здесь?

Зотов удивленно приподнял бровь. Чтобы Кияшов решил с кем-то посоветоваться? Да еще не из членов команды? Похоже, они и впрямь серьезно влипли.

– Устав предписывает выходить из подпространства, – объявил Зайчиков. – В звезду мы не влетим – здесь нет звезд. А пыль и газ не разрушат корпус, только повредят его.

– Выходим, – принял решение капитан.

– Выходим, – эхом отозвался старпом Кияшов, – хотя, сдастся мне, добром это не кончится.

«Семаргл» вынырнул из размытых теней подпространства в реальный космос. Казалось, что корабль фыркнул, словно тюлень, поднявший морду над полыней. Пыль ощутимо скребла по корпусу. Механик и старпом скороговоркой выдавали команды, выравнивая скорость звездолета и окружающего его пылевого облака.

– Вы говорили, что здесь нет звезд, – подала голос Инна. – А это что? Кажется, будто мы прямо из нее вылетели.

Приникшие к мониторам мужчины не сразу оторвались от созерцания графиков и колонок цифр, чтобы посмотреть в иллюминатор. Капитан Зотов только шире раскрыл глаза. Посрамленный Зайчиков беззвучно открывал и закрывал рот. Один лишь Байрам Камаль сохранил внешнее спокойствие и улыбнулся девушке:

– Поздравляю вас, Инна. Вы стали первооткрывательницей новой звезды. Редкий случай в обжитом космосе.

– Сто двадцать парсек от Солнца – это уже не совсем обжитой космос, – машинально заметил Зотов. – Хотя открытие звезд видимого спектра в такой близости от нашей родной планетарной системы – случай действительно редкий. Ее излучение поглощается туманностью, и поэтому звезда невидима с Земли...

– И что мне за это будет? – спросила Инна, пару раз хлопнула ресницами и приняла такую эффектную позу, что мужчины задержали дыхание.

– Слава, слава в веках, – рассмеялся Байрам. – Материальное поощрение для открывших новые звезды не предусмотрено. Иначе все астрономы стали бы миллионерами. Звезд слишком много...

– Но теперь Инна может дать новой звезде имя, – подал голос Зайчиков.

– Действительно, – согласился Зотов. – Как вы ее назовете, дорогая?

– Какая уж «дорогая»... – не поняла капитана девушка и потупилась: – Может быть, лучше Лазурная?

Самые сообразительные сразу вспомнили, что фамилия Инны – Лазуренко, и в который раз подивились людскому тщеславию. Зотов, который особой сообразительностью не отличался, не понял, что Инна имела в виду, и заявил:

– Она, скорее, грязно-желтая, я бы сказал.

– Прямо-таки дерьмового цвета, – откликнулся Кияшов и поправился, поймав гневный взгляд капитана: – Я не имею в виду ничего... Кхм-кхм... Ну сами посмотрите, цвет похож на дерьмовый! Ну очень похож.

– Евграф Кондратьич, – набрался строгости Зотов, – я вас предупреждал неоднократно. Ваши реплики просто недопустимы. Здесь дамы.

– Дамы не дамы, – пробурчал старпом. – Цвет прямо-таки...

– Кияшов!

– Это из-за пыли, – пояснил Камаль. – Полагаю, что спектр Лазурной очень близок к спектру Солнца. Типичный желтый карлик.

– А по-моему, она большая! – подала голос Инна, обидевшаяся за свою звезду. – И цвет приятный. Персикового оттенка...

– Тогда какого черта лысого вы назвали ее Лазурной? Так бы и окрестили – Персиковой, – фыркнул старпом, далекий от понимания тонких движений девичьей души. – Впрочем, дело ваше... А звезда – не меньше Солнца. И вращается довольно быстро. Впрочем, радости от этого никакой. Пока разгонимся, весь корпус пылью побьем. Мы в гравитационном колодце. То-то я смотрю, пыль странно так... движется. Ну все, курс скорректировать не удастся! Твою налево!

– Здесь дамы, екарный бабай! – выругался Зотов и даже покраснел от ярости. – То звезда ему не того цвета, то всякие намеки себе позволяете, Евграф Кондратьевич! Да что с тобой такое, в самом деле? Доведешь ты меня сегодня!

– Твою направо! – отозвался старпом. – Если даме вскоре тоже не захочется выругаться, то я ее совсем не понимаю. Эта лазурно-дерьмовая звездочка еще даст нам копоты! Попомните мои слова!

Когда капитан вызвал Антона Делакорнова во внешнюю обсерваторию «Семаргла», помощник механика приготовился получить справедливый, но заслуженный нагоняй. Даже услышать решение о лишении премии и дисквалификации на время полета. Или что-нибудь еще похуже. Мало ли что взбредет капитану Зотову в голову. Кэп слыл самодуром и славился непредсказуемостью.

Но, к его удивлению, Зотов был с ним безупречно вежлив и даже предупредителен. Подозрения вызывали только два типа в форме внешней разведки, которые непонятно с какой целью отирались в корабельной обсерватории. С одним из них, Олегом Зайчиковым, Антон даже познакомился, когда тот в гражданской одежде разгуливал по кораблю. Теперь Делакорнов судорожно вспоминал, не сболтнул ли тогда чего лишнего. Одно дело – потрещать о том о сем с пассажиром, и совсем другое – выяснить, что этот пассажир – вовсе не пассажир, а офицер внешней разведки.

Помощник механика так разволновался, что сейчас не удивился бы ничему. Даже если бы эти разведчики во главе с капитаном повалили его на пол и начали избивать ногами. Значит, действительно есть за что. Значит, выболтал военную тайну. Проклятые амфетамины! Но капитан повел себя так странно, что Антон опешил.

– Кто ты по первой специальности, Делакорнов? – обратился к нему Зотов.

Если учесть, что доступ к компьютеру с личным делом Антона был открыт для капитана в любое время суток, вопрос был более чем странным. С подвохом.

– У меня одна специальность – механик. Получил ее на высших курсах в Москве...

Антон замолчал.

– Все? – спросил капитан.

– Еще обучался планетологии в Симферопольском университете, но не доучился...

Зотов не торопился прервать паузу, разведчики тоже молчали, поэтому Антон вздохнул и пояснил:

– Отчислили за прогулы и неуспеваемость.

– Жаль, – вздохнул черноволосый офицер-разведчик.

– Ничего страшного, Байрам, – обратился к разведчику капитан. – Секретные файлы досье утверждают, что до четвертого года обучения отметки студента Делакорнова были самыми что ни на есть высокими. Собственно, он считался первым студентом на курсе. А отчислен был за проступки, не связанные непосредственно с учебной деятельностью.

«Ну вот, – подумал Антон. – Кажется, попался. Но что ему, черт побери, от меня нужно? Все десять месяцев, что я служу на „Семаргле“, Зотов не производил впечатления законченной сволочи. Солдафон – да. Самодур – да. Даже истеричная самодура – время от времени. Но сдать меня военной разведке... Да и за что, собственно?»

– Позволь познакомить тебя, Антон, – сказал Зотов. – Байрам Камаль и Олег Зайчиков. Навигаторы-федералы.

Антон выдохнул с облегчением. Навигаторы – это даже и не разведка. Точнее, не совсем разведка. Хоть и носят ту же форму.

– Очень приятно, – кивнул Антон. – А почему вас интересует моя так и не полученная специальность, капитан?

– Видишь ли, мы тут выскочили на звезду... – начал Зотов. – Или из звезды...

– Как же, все только об этом и говорят. Желтая звезда, ваша девушка еще назвала ее голубой почему-то, – перебил капитана Делакорнов. – Из серии «не верь глазам своим».

– Не голубой, лазурной... – заметил Зайчиков. – Всякое бывает... И к фамилии ее подходит. Кстати, насчет фамилий. Вот у вас, господин Делакорнов, фамилия очень странная. Не знаете, откуда она такая взялась?

– А что, не нравится? – сощурился Антон.

– Да нет, просто слышу такую фамилию впервые.

– По мне, так одна из лучших фамилий. Редкая, по крайней мере. Зайчиковых хоть пруд пруди, а вот вы попробуйте найдите еще одного Делакорнова! Тут вы правы, вряд ли отыщете. Если вернуться к истории, в позапрошлом веке писарь в сельсовете французскую фамилию объединил с титулом. Знаете, кстати, что такое сельсовет?

– Что-то вроде тинга у исландцев? – предположил Зайчиков.

– Что-то вроде муниципалитета у французов, – фыркнул Антон.

– Так вы, стало быть, француз, Делакорнов? – уточнил Байрам.

– Прапрапрапрадед у меня был французом. А я – русский, – сообщил Антон. – Фамилия-то моя здесь при чем? Что вы вокруг да около ходите? В чем дело-то?

Делакорнов насторожился и снова приготовился к тому, что в ближайшее время его станут бить. Капитан – космодесантник, два разведчика, пусть они и навигаторы, а военная выучка, поди, сказывается... Сейчас притиснут его в углу обсерватории и начнут учить, как это у них принято. За амфетамины. Будто бы именно он и его обморок виноваты в том, что эта странная звезда оказалась в плохо обследованной темной туманности...

– Предлагаем вам провести исследование планетной системы Лазурной, – напрямую заявил Байрам Камаль. – Мы с Олегом специалисты по сдвоенным звездам и шаровым скоплениям. Я, помимо этого, занимался поясами астероидов. Олег – кометами. А ваша специализация, насколько нам известно, – землеподобные планеты.

– Здесь что, есть землеподобные планеты?! – поразился Антон.

Было чему удивляться... Землеподобных планет в исследованном космосе нашли едва ли три десятка. На четырех удалось основать колонии, насчитывающие более ста тысяч чело-

век. Остальные поселения землян среди звезд базировались, как правило, не на планетах, а на крупных орбитальных станциях.

– Планеты есть. И не одна. А целых семь. И похоже на то, что три из них могут по параметрам приближаться к Земле, – заявил Зотов. – Фантастический результат. И потому сомнительный. А наши специалисты-поисковики работают с тяжелыми металлами. Редкими элементами. Коэффициент близости планет они вычислять не могут.

– А что его вычислять? – усмехнулся Антон. – Компьютер вычисляет, не люди. Программа только нужна специальная. А три близкие планеты в одной системе – это сказка. Не верю я в такие чудеса. Вы посмотрите, пыли тут сколько.

– Программа у нас есть. «Сети-12», – объявил Зайчиков. – Но так получилось, что мы с Байрамом ее не знаем.

– «Сети-9» я близко изучал в университете, – задумчиво пробормотал Антон. – Даже работал с ней. Не думаю, что «Сети-12» сильно отличается от предыдущей версии. Вычислим коэффициенты, отчего же не вычислить...

– Компьютер готов к выполнению заданий программы, – объявил Зотов. – Телескопы, спектрографы, радары – тоже. Все в твоём распоряжении.

– Это хорошо, – ответил Антон.

– Ну что ты замер, как бедный родственник, ты проходи садись, – поторопил его капитан, – да не стесняйся. Работай себе, мы тебе мешать не будем.

– Прямо сейчас?

– А чего тянуть...

Антон бросил взгляд на космодесантников, те замерли в ожидании.

– Ну ладно, – Антон присел к столу и забарабанил пальцами по его поверхности, подвигаясь к монитору...

Похоже, ему предстояло самое важное дело в жизни. Только бы не осрамиться. Впрочем, в университете он и правда был лучшим на курсе. Вот только с тех пор столько воды утекло...

Курсантская школа, где готовили механиков межзвездных полетов... Он тогда скрыл, что у него уже имеется незаконченное высшее. Да еще по такой престижной специализации, как планетология.

Всего семь месяцев по ускоренной методике, и вот он уже зачислен в команду межзвездного рейса. Не в таком качестве он видел себя на борту настоящего космического корабля, но космос – все равно космос. Полетами в иные миры он грезил с самого детства.

Первым, с кем познакомился Антон, оказался старший механик. Делакорнов прошел по коридору к своей каюте и столкнулся с Кириллом Яловегой возле отсека, откуда имелся доступ к задним дюзам.

– Добрый день, – улыбнулся Антон и протянул руку, – Антон Делакорнов.

– Как? – не расслышал Яловега.

– Делакорнов, – повторил Антон, – я зачислен к вам в команду, я – механик.

– А, вместо безвременно ушедшего от нас Щепкина, – пробормотал Яловега, – ну что ж, добро пожаловать на корабль-призрак.

– Что?!

– На «Семаргл» добро пожаловать. С капитаном успел познакомиться?

– Да! – кивнул Антон. – В первую очередь.

– Отлично, тогда по-быстрому переодевайся и дуй сюда, будем приводить в порядок правую заднюю дюзу...

– Что, прямо сейчас? – удивился Антон.

– А что, ты сейчас очень занят? – язвительно поинтересовался старший механик.

– Не очень... – ответил Антон, мучительно соображая, как бы отвертеться от так неожиданно свалившейся на него работы. Не то чтобы он отлынивал от выполнения своих обязанностей – вовсе нет, просто сначала он хотел осмотреться, расположиться.

– Не занят, вот и отлично, – отрезал Яловега. – Поторопись давай... Время – деньги.

Впоследствии Антону предстояло узнать, что эту пословицу старший механик употребляет по поводу и без повода, и вообще, в жизни его интересуют только две вещи – наличные и карточка доступа к его банковскому счету...

– Как, сможешь помочь? – спросил капитан.

– Постараюсь, – ответил Антон, – программа сильно отличается от той, что я изучал в университете.

– Сейчас на тебя вся надежда...

Зотов смотрел на Антона так, что ему стало не по себе. Вдруг вспомнилось странное видение, в котором за ним гнались чудовища, а по небу плыла фиолетовая луна... Или не видение, а реальность?

– А что, если я не смогу разобраться? – выдавил он.

– Не сможешь – будем считать, что ты ни на что не годен, спишем тебя на берег, и будешь до конца своих дней секукарить гнушек,¹ – откликнулся Зайчиков. – Понял, али как?

– Понял, – проворчал Антон и мстительно подумал: «Это мы еще посмотрим, кто у нас будет гнушек секукарить. Вот не пожалею трех рублей, черкну по подпространственному каналу письмецо твоему руководству на Землю, что ты тут на борту „Семаргла“ пьянствуешь отчаянно и, вообще, находишься в близких отношениях со своим коллегой, татаринном по имени Байрам... Насчет Байрама это, конечно, неясно... А вот в состоянии полного алкогольного ступора Зайчиков пребывал не раз, тычась в переборки корабля или во все каюты подряд».

Делакорнов вошел в меню и начал разбираться с программой, потом крутанулся на стуле. Разведчики и капитан все время стояли за спиной и внимательно наблюдали за ним. Эдакий немой контроль за его действиями.

– Не могу я так, Петр Викторович! – Антон повернулся и ткнул пальцем в Зайчикова: – Этот мне всю спину взглядом просверлил. Я чувствую с его стороны немотивированную враждебность по отношению ко мне и не могу работать. Отказываюсь я так работать.

– Ишь ты, немотивированную враждебность он чувствует! – Олег Зайчиков зыркнул на Антона недобро и сказал: – Ладно, пойду, раз я ему так сильно мешаю! – Он усмехнулся: – Давай старайся, Делакорнов. А не получится, ты меня понял насчет гнушек...

Зайчиков стремительно вышел из каюты капитана. Байрам Камаль, покачивая головой, последовал за ним.

– Теперь ты доволен? Давай к делу, – сказал капитан.

– Хорошо... – Антон пробежался по клавиатуре, запуская основной программный модуль – сложности в новом продукте компании «Кремлевский софт» было не больше, чем в предыдущем, – простой интерфейс, продуманное ядро. Для специалиста, знакомого даже с первой версией, не представляло проблемы за считанные минуты освоиться с двенадцатой...

Программа «Сети-12» работала около часа. За это время она выявила вокруг только что открытой звезды семь крупных планет и пару десятков астероидов. Из семи обнаруженных планет четыре принадлежали к земной группе: вторая, третья, четвертая и пятая. Шестая и седьмая – газовые гиганты.

¹ Фразеологизм. Секукарить гнушек – заниматься самой черной работой. Пришло в язык от первых колонистов, которым, для того чтобы выжить на Венере, приходилось секукарить венерианских гнушек.

Пятая планета могла представлять для землян только утилитарный интерес – если бы, скажем, на ней обнаружили запасы ценного минерального сырья. Следов вулканической деятельности на планете заметно не было. Температура поверхности не поднималась выше ста девяноста Кельвинов, или минус восьмидесяти градусов по Цельсию.

Зато вторая, третья и четвертая планеты показали капитану счастливой находкой, благодаря которой рейд «Семаргла» может даже остаться в истории межзвездных исследований.

Первая планета не представляла собой ничего интересного – раскаленный кусок камня без атмосферы, купающийся в жестком излучении звезды. Вторая была интереснее. Она отстояла от Лазурной на расстояние в восемь десятых астроединицы.² Вращалась планета по почти круговой орбите и имела крупный спутник с высоким альбедо.³

Орбита второй планеты представляла собой ярко выраженный эллипс. Расстояние между планетой и звездой колебалось от 1,1 астроединицы до 1,3. Третья планета отстояла от своего солнца на расстояние в полторы астроединицы. По отношению ко второй планете наклон орбиты третьей составлял двенадцать градусов, а четвертой – двадцать. Третья и четвертая планеты вообще выделялись из общего ряда углом наклона орбиты – все остальные небесные тела вращались вокруг Лазурной примерно в одной плоскости.

Программа «Сети-12», исследовав спектральный состав атмосферы, магнитные и температурные характеристики, периоды вращения планет, размеры их спутников, выдала коэффициенты соответствия: 0,92 для второй планеты, 0,97 для третьей и 0,77 для четвертой. Но коэффициент соответствия для второй планеты отличался некоторым своеобразием. Эта планета системы Лазурной подходила для существования белковых форм жизни больше, чем Земля! Во всяком случае, та Земля, которая существовала в настоящее время и представляла собой планету, сохранившую следы великого оледенения!

– Готово! – Антон откинулся на спинку кресла.

– Погоди-ка, – сказал Зотов, – сейчас позову наших друзей.

Все это время разведчики-навигаторы дежурили в коридоре, успев порядком возненавидеть молодого заносчивого механика. В последний момент к ним присоединилась Инна и несколько скрасила их ожидание. Разведчики решили пока не пускать девушку в обсерваторию, сообщив ей, что там проводится важное исследование окружающего космоса с помощью секретной разработки. Потом, когда «добро» от Делакорнова было получено, вошли все вместе. В маленькой обсерватории сразу стало тесно.

Когда Антон изложил присутствующим данные расчетов программы «Сети-12», в каюте воцарилось молчание. С одной стороны, компьютерному анализу сложно было не верить. С другой – слишком фантастично все это выглядело!

– А может быть, на этих планетах есть жизнь? – поинтересовался Байрам Камаль. – Что компьютер говорит по этому поводу?

Делакорнов взглянул на разведчика свысока.

– Компьютер сам по себе не может сказать абсолютно ничего. Это же не пресловутый искусственный интеллект, которым пугали детей в двадцать первом веке! Программа «Сети-12» хороша, но сугубо утилитарна. Она предназначена для определения коэффициента соответствия планет некоторым нормам. Это все. Программные модули по обнаружению внеземных форм жизни имеются, если я не ошибаюсь, в вашем ведомстве. Я, кстати, никогда с ними не работал. Да и вряд ли компьютер «Семаргла» снабжен такими модулями. Идея относительно того, что в ближайших двухстах парсеках от Солнца есть разумная жизнь, подвергалась серьезной критике неоднократно. Отсутствие радиоизлучения, возбуждений подпространства

² Астрономическая единица – среднее расстояние от Земли до Солнца. Используется для измерения расстояний внутри планетных систем.

³ Альбедо – отражательная способность поверхности небесного объекта.

и все такое... А что касается разных амёб и ящериц... Они, конечно, вполне могут жить на обнаруженных нами планетах... Но это уже простые домыслы.

– Могут жить, – эхом отозвалась Инна. – И все это около моей звезды!

– Угу, – подтвердил Антон. – Кстати, Петр Викторович, если здесь так щедро раздаются права называть то или иное небесное тело... Мой вклад в общее дело, как мне кажется, тоже заслуживает поощрения. Премии я не прошу. Знаю, что не положено. Как насчет какой-нибудь захудалой планетки? Могу я назвать ее, как мне нравится?

– Делакорновка? – хохотнул Зайчиков. – Или Амфетаминовка? А что, тоже вариант.

Антон вспыхнул:

– Ну уж нет! Ни Нирваной, ни Зайчиковым Раем я ее называть не стану. И своим именем – тем более. Так что насчет названия, Петр Викторович? Вы здесь представляете земную власть!

– Можешь назвать любую из понравившихся планет, – разрешил Зотов. – Только не употребляй бранных слов.

– Я же не Кияшов, – сказал Антон. – Уверен, он еще внесет лепту в местную астрономию и географию. Хорошо, что не он первый заметил звезду. А то летали бы мы сейчас вокруг какой-нибудь Хрено...

– Старший помощник Кияшов, чтобы ты знал, очень хорошо о тебе отзывается, – заметил капитан, – а то, что Евграф Кондратьевич неводержан в выражениях, так это у него характер такой. Неизвестно, какой у тебя будет характер в его возрасте и с его жизненным опытом. Уяснил?

– Уяснил, – кивнул Антон и решил при случае разузнать, что именно у старшего помощника такого случилось в жизни, что так серьезно подпортило его характер. – Я полагал, это врожденное.

– Приобретенное, и хватит об этом. Ты, кажется, хотел назвать планету, так называй!

– Вторую планету, – уточнил Антон, – я хочу дать ей простое и звучное имя – Заповедник.

– Заповедник? – удивился Байрам Камаль. – Почему Заповедник?

– Хочется почему-то. – Антон растерянно улыбнулся. – Такое странное чувство, будто я всегда знал, что эта планета – Заповедник. К тому же, мне кажется, на примере этой планеты мы сможем увидеть, какой была Земля миллионы лет назад. Теплая и дружелюбная Земля до оледенения... Кстати, как вы намереваетесь исследовать планету?

– В обсуждении этого вопроса, я полагаю, должен принимать участие старший помощник Кияшов. – Капитан нажал кнопку стереокоммулятора и проговорил: – Евграф Кондратьевич, пройдите, пожалуйста, во внешнюю обсерваторию. Я повторяю, Евграф Кондратьевич, пройдите в обсерваторию...

– Согласно уставу космической службы, мы не имеем права высаживаться на землеподобные планеты без соответствующей подготовки, – заявил Зайчиков.

– Бойтесь, что заразимся?! – добродушно рыкнул Кияшов.

– У нас достаточно препаратов, чтобы бороться с микроорганизмами любой природы, – ответил за коллегу Байрам Камаль. – Опасность в другом. Мы можем заразить обитателей планеты нашими микробами. А вот у них как раз нет никаких препаратов. Поэтому высадку может осуществлять только спецкоманда.

– А по мне – так плевать на инопланетных тварей, – осклабился старпом. – Может, на этих планетах иридий под ногами валяется! Кусками! В любом случае, если планеты так хороши, их будут колонизировать. И тогда все вокруг пропитается земными микробами. Раньше, позже... А так мы, по крайней мере, получим свои призовые...

– Или предстанете перед судом, – заявил Зайчиков. – И ваша корпорация вовек не расплатится за действия одного-единственного экипажа. Я понимаю, что вы хотите сказать: ком-

мерческие звездолеты не подчиняются Уставу космической службы и космической разведки. Но поверьте, существует много других законов, нарушать которые я вам настоятельно не рекомендую...

– Проклятые шпики, – проворчал Кияшов, отойдя в самый дальний угол обсерватории, где его не могли слышать, – хотят нас кинуть и сами нажиться на нашем открытии... Ладно, еще посмотрим...

– Есть способы исследовать планету и без того, чтобы опускаться на ее поверхность, – наставительно сообщил Кияшову Зайчиков. – Мы все-таки живем в конце двадцать пятого века. Выйдем на орбиту, будем проводить разведку с помощью радиоэлектронных и оптических средств. Поверьте, это гораздо удобнее... А призовые... Нам уготован гораздо больший приз – слава первооткрывателей!

Кияшов сморщился и сплюнул на пол, что позволял себе лишь в состоянии крайнего возмущения. Правда, возмущен чем-либо он был большую часть земных суток, а потому коридоры «Семаргла» и капитанский мостик были уже порядком заплеваны.

– Славу возьмите себе. А мне дайте пару тысяч рублей. А еще лучше – двадцать тысяч. Когда стервятники от государственных и частных руднодобывающих компаний устремятся сюда и будут наваривать миллионные барыши, о моей славе никто и не вспомнит! А вот двадцать тысяч обеспечат мне безбедное существование до глубокой старости...

– Могу предложить американские доллары! – хмыкнул Зайчиков.

Это была старая избитая шутка.

– Ты еще скажи – тугрики! Доллары и прочие ничего не стоящие бумажки оставь себе, – рявкнул Кияшов. – Ясно?! Рубли мне или гривны. Юани, на худой конец! А другая валюта меня не интересует. Страны со слабой экономикой вообще не должны выпускать свою валюту.

– Возможно, команде «Семаргла» и будут положены какие-то призовые, – примирительно заметил Байрам. – Я незнаком с законодательством на данную тему. В какой валюте выдаются премиальные, я тоже не знаю.

– Уж точно не в американских долларах и немецких марках. Этого добра нам не нужно!

– Сейчас нам нужно совсем не то: необходимо определить, какую планету мы исследуем более детально, – заявил капитан Зотов. – Первую? Третью? Седьмую?

– Что тут определять? – подал голос Делакорнов. – Вторую. Зачем нам первая? Это раскаленный кусок камня. Вторая имеет отличный коэффициент. Она ближе всего к кораблю. И к звезде. На ней скорее всего обнаружится жизнь!

– Зачем нам жизнь? – подал голос Кияшов. – Нам бы редкие элементы найти...

– Выходим ко второй планете. К Заповеднику, – принял решение Зотов, разом прекращая заходившую на второй круг дискуссию о вечных ценностях и ценных металлах. – Исследуем ее и отправимся дальше. Планы срывать все равно нельзя. Нам платят не за исследования здешних систем. Пока мы на планетарных двигателях будем добираться до планеты, механики отладят генератор удержания. Это и тебя, кстати, касается, Делакорнов!

Антон помрачнел и покинул мостик, испытывая сильную неприязнь к капитану. Именно за такие выходки он и не любил Зотова. То едва ли не в рот заглядывает своему подчиненному, а затем, когда нужда в познаниях Антона отпала, возвращает его регулировать двигатель. Да еще указывает: знай, мол, Делакорнов, свое место! С другой стороны, должен же кто-то заниматься починкой корабля?! Но почему именно он?! Механиков на корабле и так хватает. А он наверняка нашел бы себе дело поинтереснее. Может, и в самом деле, отыскать способ подобраться к шкафчику доктора Химеля...

Генератор удержания, работающий на холостом ходу, низко гудел.

– И чего ему, заразе, нужно? – извечным жестом ничего не понимающего технаря постукивая по кожуху сложной машины, поинтересовался Яловега и неожиданно выкрикнул: – Чего

тебе нужно, зараза?! – К остальным он обернулся с противной улыбкой на лице: – Ваши сообщения, коллеги-бездельники?

– Контакты почистить надо, – предположил молодой механик Цибуля. – Окислились контакты, сопротивление возросло, идет задержка сигнала...

– Платина окислилась?! – возмутился Яловега. – Впрочем, хм, и платина когда-нибудь ржавеет... Особенно на нашей «счастливой» посудине. Что вы стоите, как беременные ежи?! – рыкнул он на пятерку механиков, сгрудившихся вокруг генератора. – Тесты запускайте, да о линейных измерениях не забывайте. Кто у нас самый лучший электрик? Ты, Пирогов? У тебя ведь кандидатская степень по радиотехнике? Вот ты и чисти контакты, раз в космофлот пошел. Небо его, понимаешь, позвало... А мы займемся другими важными делами. Например, послушаем Делакорнова. Расскажи-ка нам, Антон, что там тебе капитан наговорил?

– Хочет исследовать вторую планету. – Антон улыбнулся, как человек, которого греют счастливые воспоминания. – Мою планету...

– То есть как это так – твою? – отозвался развинчивающий кожух генератора удержания Пирогов.

– Это я ей название придумал. Заповедник. Хорошее имя для планеты. Теперь каждый, кто будет изучать ее историю, вспомнит и мое имя. Меня же в книги впишут, как автора названия.

– Радости-то, – фыркнул Яловега. – Если бы они тебе заплатили за это. Я бы, к примеру, за работу, которая не входит в мои должностные обязанности, непременно потребовал премию. Время – деньги. Так-то.

– Не догадался, – вздохнул Антон.

– Это потому, Делакорнов, что ты не от мира сего, – наставительно сообщил Петр Кондратенко, отрываясь от монитора, поочередно выдающего результаты тестов разных блоков генуда. – И что ты пошел в механики? Тебе бы в священники...

– Буддийские, – добавил чистящий платиновые контакты Пирогов, – они такие там все бескорытые...

– Бескорыстные, – машинально поправил Антон.

– Или в цирке выступать, – хмыкнул Яловега, – из него бы клоун отличный вышел. Тоже без денег кривлялся бы, ходил по корабельной палубе, руки перед собой выставив, и в обмороки падал.

Улыбка сползла с лица Антона, и он буднично заключил:

– Стало быть, пока мы возимся в трюме с заржавелыми и промасленными железками, они будут исследовать лучшую планету в этом секторе вселенной. Я бы не прочь побывать на ней!

– У тебя еще все впереди, парень, – сказал Кондратенко, – я, когда такой молодой был, о чем только не мечтал... Но чаще всего...

– О бабах! – предположил один из механиков, породив взрыв хохота.

– А сейчас наш Петр Петрович мечтает только об одном, – заявил Яловега, перекрикивая смех. – О том, чтобы починить генуд! Не так ли, Петр Петрович?! Ты не забыл случайно, время – деньги!

– Дураки вы все, – обиделся Кондратенко и поведал: – Сбылась моя мечта. Сбылась! Я ведь механиком на космическом корабле хотел стать.

«Ну и ну, – подумал Антон, – что это за мечта такая – быть механиком на космическом корабле? То ли дело капитаном или навигатором – прокладывать путь к чужим звездам, где сокрыты несметные сокровища и ожидают такие тайны, о которых и помыслить нельзя, оставаясь на старушке Земле».

Механики протестировали каждый блок, весь генератор в целом, но никаких аномалий не обнаружили. Подобное положение вещей ничего хорошего не сулило. По-прежнему оставалось

неясным, из-за чего произошла рассинхронизация. Вряд ли из-за окислившихся платиновых контактов!

Звездолет между тем приблизился ко второй планете, Заповеднику, как назвал ее Антон, и завис на геостационарной⁴ орбите. Если уж «Семаргл» оказался рядом с планетой, нужно исследовать ее поверхность детально, а не носиться над ней с огромной скоростью. Один сектор, второй, третий... Плавно перемещаясь из одной точки в другую. И только так, шаг за шагом, достигать результата.

– Я не понимаю – и чего бы нам не высадиться на поверхность твоего Заповедника? – в который раз завел разговор на эту тему Цибуля. – Может, там золота немерено... Карманы бы набили – это ведь не запрещено... Не знаешь, что они там наисследовали?

Делакорнов временами действительно отлучался в обсерваторию – когда появлялась нужда в его знаниях планетолога, его вызывали по громкой связи. Но так же быстро его возвращали назад. То ли капитан не хотел, чтобы он увидел что-то лишнее, то ли Зотов действовал просто из врожденной вредности – раз ты механик, а не дипломированный планетолог, сиди с остальными механиками, нечего лезть в приличное общество.

– Не знаю я, – буркнул Антон. – Говорят вроде, что жизнь внизу имеется. Невооруженным глазом заметна растительность, следы животных... Много воды... Состав атмосферы более чем подходящий. Кислорода много, ядовитых газов нет. Рай, одним словом. Хотя специальной программы для проведения детального анализа у нас нет. Может, зелень густая – это и не растительность вовсе. Или растительность не в нашем понимании...

– Изумруды? – с замиранием сердца предположил Цибуля.

Яловега расхохотался:

– Да если там столько изумрудов, они скоро будут стоять, как стекляшки! Ими детские игрушки будут украшать! Нет, ну до чего ж вы все тупые! Прямо как на подбор! Одно слово – механики!

Делакорнов подумал, что старший механик сообразительностью тоже не блещет. Да что там говорить – пожалуй, он самый тупой на борту «Семаргла». Старший тупой! Антон отвернулся, чтобы Яловега не заметил его улыбки.

– Это еще когда ими игрушки украшать будут... – ничуть не обидевшись на слова старшего механика, заметил Цибуля. – А сейчас они очень даже ничего, я бы ими кармашки-то набил... Ох и набил!

Он был в межзвездном рейсе в первый раз, на чужих планетах и астероидах никогда не высаживался. Космос представлялся ему сказочным раем, сундуком, доверху набитым сокровищами. Вот только молодого механика к сокровищам допускать пока не собирались. А богатства хотелось всем сердцем!

– Ну я это, пойду, потрусь там, что ли, вдруг чего услышу, – вздохнув, Цибуля покинул отсек, хотя никто его не отпускал.

Спустя пару минут корабль ощутимо трянуло. Над входом вспыхнул зеленый огонь – разгерметизация!

– Вот так-так, – выдохнул Кондратенко.

– Разгерметизация! – почти счастливо воскликнул один из механиков. – Со мной такого еще не бывало!

– Ты что, опять колес наглотался? – накинулся на него Яловега, как будто в разгерметизации был виноват он. – Жить надоело?!

⁴ На геостационарной орбите искусственный спутник планеты движется с той же скоростью, с какой она вращается. То есть словно бы висит над одной точкой поверхности планеты.

– Это что же могло случиться?! – выкрикнул Пирогов и разразился такой витиеватой многоэтажной бранью, что некоторые механики даже не поняли, что именно он хотел сказать. Ясно было только, что Пирогов очень возмущен.

Нарушение герметизации на звездолете класса «Семаргла» могло произойти разве что при взрыве мощной бомбы, которая разворотила бы какой-нибудь отсек. Или при столкновении с метеоритом больше полуметра в диаметре. Вот только система метеоритного отклонения являлась одной из самых надежных в корабле. К тому же, если бы она вышла из строя, оповещение экипажу поступило бы немедленно. И сейчас они ремонтировали бы не генератор, а систему метеоритного отклонения.

– Похоже, тут мы и останемся, – проговорил Яловега, стирая пот со лба. – Идя навстречу пожеланиям членов экипажа. С полными карманами платины... Изумрудов. И прочей ценной фигни! – Последние слова он выкрикнул.

Действительно, если генератор можно было починить или заменить и даже поломка одного из двигателей не была фатальной, то разгерметизация оставляла мало шансов на дальнейшее нормальное функционирование звездолета. Не потому, что экипаж не имел необходимых средств спасения. Они-то как раз были. А просто потому, что разгерметизация корабля могла произойти только в результате очень серьезных повреждений. Таких, которые практически невозможно исправить в открытом космосе, вдали от обитаемых планет, в непредусмотренной точке выхода из подпространства.

Рядом с зеленой лампочкой между тем зажглась красная – непосредственная угроза для жизни членов экипажа. Словно глаз злобного существа, взирающего на будущих покойников с того света. Добро пожаловать! Антон поежился. Устав предписывал при загорании красного сигнала надеть индивидуальные средства спасения и пробираться к челноку.

Из воздухообменных систем повалил дым. Едкий, химический. Что могло так гореть на «Семаргле», сказать сложно. Похоже, начался пожар в одном из самых крупных отсеков, и теперь прогорала внутренняя обшивка корпуса и встроенные в нее коммуникации.

Механики кинулись к люку, но Яловега остановил их окриком:

– Вы что, бараны тупые, инструкцию позабыли?

Пирогов хлопнул себя по лбу.

– Всем ждать моих указаний по эвакуации. Ясно?

– Ну, конечно, ясно, только ты уж поспеши, ладно? – Кондратенко выглядел растерянным, с подобной ситуацией он, несмотря на длительный стаж, сталкивался впервые.

Яловега рухнул в кресло и принялся судорожно стучать по клавиатуре, запрашивая данные.

– Наглухо блокированы второй, пятый, шестой и седьмой отсеки, – сообщил он. – Какой из них поврежден – неясно. Собственно, второй отсек вообще далеко от пятого и шестого. Да и седьмой в стороне... Что-то неясно...

– Уходить надо, – крикнул Пирогов. – Давай быстрее говори куда?!

– Ладно, – согласился Яловега и поднялся на ноги. – У кого самоспасатели с собой – надевайте. Кто в каюте оставил – тем, конечно, хуже... – Он задумался.

– Елки-палки! – крикнул Кондратенко. – Ну я оставил. И что мне теперь, плавиться тут заживо?!

Механики работали в десятом, двигательном отсеке. Отсюда до девятого, который полностью занимал челнок-разведчик, выполняющий также функции спасателя, рукой подать. Тем, кто сейчас находится в первом отсеке, на капитанском мостике, будет гораздо труднее выбраться. Хотя они все же смогут дойти до челнока... Хуже всего тем, чьи отсеки по какой-то причине оказались блокированы компьютером. Они уже мертвецы. Даже если сами об этом пока не догадываются...

– Ну я не знаю, – продолжал мешкать Яловега, – давай тогда беги в свой отсек, а потом к челноку! Мало ли что еще будет. Без средств защиты никак нельзя... Загнешься ты без кислорода. А делиться с тобой никто не станет – я так думаю...

– Я мигом! – крикнул Кондратенко и выбежал в коридор.

Дымная вонь постепенно наполняла помещение, делаясь все более и более невыносимой.

Старший механик обернулся к монитору и невольно хмыкнул. Отсек Кондратенко был заблокирован. Что обладатель «светлой мечты» стать механиком теперь будет делать, одному черту известно. Но посылать кого-то за ним следом или идти лично Яловега не собирался.

– Пошли! – скомандовал он.

– А как же Петр Петрович? – спросил Антон.

– Так он прямо за нами, – расширил глаза Яловега, – сейчас свой самоспасатель найдет и прямо за нами...

– И правда, Антон, ты чего? – дернул его за рукав Пирогов. – Что, нам всем из-за него, что ли, пропадать?! Успеет – хорошо. Не успеет – его проблема. Самоспасатель надо с собой носить. Особенно в механическом отсеке.

– Да их никто не носит, – пробормотал Антон.

Никто из механиков самоспасатели с собой действительно не носил. Они лежали неподалеку от рабочих мест, в шкафчике с инструментами. Только Кондратенко зачем-то хранил свой в каюте. За что и поплатился.

– Все пошли! – рявкнул Яловега.

Антон хотел было возразить, но из вентиляционного редуктора ему в лицо вырвался клуб едкого дыма, и он закашлялся.

– Пошел, Делакорнов! – Яловега вцепился в плечо Антона и потащил его по коридору. За ними побежали остальные...

Механики оказались в челноке первыми. Следующая группа – пилоты во главе слевой Ждановым – ворвалась в открытый люк минутой позже. Лев занял главное пилотское кресло, рядом с ним уселся Коля Сумароков – «капитанский наушник» и по совместительству – второй пилот челнока «Семаргла».

– Полетели, что ли! – дрожащим голосом предложил он сразу, как только Жданов включил энергоустановки.

– Ты что, охренел, Сумароков?! – поинтересовался первый пилот. – Люди только начали собираться. А капитан сейчас проверяет наличие людей в отсеках...

– А, ну да, – стуча зубами, ответил Сумароков. – Так что же они тянут? Почему они так долго?!

Вскоре в челноке появились рудознатцы, специалисты по исследованию астероидов. За ними вбежала запыхавшаяся Инна с Байрамом Камалем. Разведчик поддерживал испуганную девушку под локоть. Сам он был собран и сосредоточен, как и полагается настоящему космодесантнику.

– Капитан будет через минуту, – по-военному отрапортовал Байрам Камаль, – они с Кияшовым и Зайчиковым проверяют, остались ли на звездолете живые...

Сумароков тихонько заскулил. Ждать ему было невтерпех. Хотя куда можно лететь на челноке в таком месте? По его мнению, отстыковываться от корабля вообще не следовало... Ведь звездолет, скорее всего, найдут поисковики! А кто обнаружит мелкий челнок, похожий в космическом пространстве на песчинку? И потом, попадание парочки метеоритов – и им крышка. От страха у Коли заныло в животе. Он изо всех сил сжал тумблер управления, так, что даже пальцы побелели.

Жданов покосился на перепуганного пилота с неодобрением.

Еще через пять минут появился отчаянно кашляющий Кияшов. Его тащили на плечах капитан Зотов и Олег Зайчиков.

– В воздухозаборник полез, – пояснил ухмыляющийся Зайчиков, – откуда дым валит, откуда дым валит... – передразнил он старшего помощника.

– Позже разберемся! – рявкнул капитан. – Где доктор?

Михаила Соломоновича не было. Бедняга Химель, на свое несчастье, отлучился из родного третьего отсека. Теперь, наверное, они его больше не увидят...

– Никто больше не отзывается, – выдохнул капитан, – половины экипажа как не бывало. И главное, непонятно, что случилось? Как такое могло произойти? Такое чувство, что в нас попали торпедой. Только никакой торпеды на радарх и в помине не было...

– Ну мы отчаливаем наконец? – проскулил со своего кресла Сумароков.

– Да подожди ты! – прикрикнул на него Жданов. – Может, еще кто заплутал? Да и вообще, капитан, не разумнее ли нам остаться в корабле? Челнок хорошо защищен переборками отсека. А в открытом космосе всякое может случиться...

– Взорвется планетарный двигатель – и всем крышка! – взвизгнул Сумароков. Эта мысль пришла к нему только что и перепугала до того, что он едва не обмочился.

– С чего ему взрываться? – хрипя поинтересовался Кияшов.

– Может взорваться, – тихо проговорил капитан. – И страшно, и горько, а надо отойти от «Семаргла». Хотя бы на пару километров. Если в ближайший час ничего не произойдет, вернемся.

– Да тут за это время все выгорит! – вмешался Яловега.

– Если не сработает система тушения пожара! – спокойно заметил Зотов.

– Отходим, – согласился Жданов, как хороший «пилот» он предпочитал в любой ситуации придерживаться той же точки зрения, что и капитан. – Я блокирую дверь челнока. Отдайте приказ на открытие люка.

Капитан уже собирался произнести в микрофон ключевую фразу для бортового компьютера, блокирующего вход в отсек и открывающего огромный люк для выхода в открытый космос, но Инна Лазуренко вдруг отчаянно закричала:

– Постойте!

По металлическому настилу, спотыкаясь и размахивая руками, бежал доктор Химель. Он что-то кричал, но, естественно, криков слышно не было.

– Впустите его, – приказал капитан.

– Из-за него мы тут все издохнем! – скривился Яловега. – Вот же...

Жданову пришлось потратить пару минут, чтобы разблокировать люк челнока и впустить Химеля. Открыть люк было куда сложнее, чем закрыть. Все же челнок выполнял функции спасательного средства. Химель пережил не лучшие минуты в своей жизни – все то время, пока люк был закрыт, он подергивался перед громадой спускаемого аппарата, махал руками и что-то кричал. В отсек пробирался дым, доктор задыхался и кашлял. Впустят его, или его не заметили, и задержка старта челнока просто вызвана техническими причинами, оставалось для доктора тайной до самого последнего момента.

Наконец дверь открылась, и Химель с неожиданной для него прытью юркнул внутрь, не говоря никому ни слова, причем сразу преодолел все пространство грузового трюма и забился в дальний угол, прижав к груди черный чемоданчик с ценными медицинскими препаратами.

– Теперь трогаемся, – вздохнув, вымолвил Зотов.

– Кондратенко так и не пришел, – выдавил Пирогов.

– Конечно, не пришел, – отозвался Яловега, – его отсек был заблокирован, куда он в таком дыму без самоспасателя? Тут бы и техноскунс задохнулся.

Техноскунс – специальная машина, приспособленная для работы в атмосфере высоких температур и загазованности, сама она при сжигании топлива выделяла в воздух столько дурно пахнущих элементов, что создателям не пришлось слишком долго размышлять над названием.

Зашипел вырвавшийся в открытый космос воздух. Вздогнула махина челнока, покидающего девятый отсек «Семаргла». Спасательный корабль развернулся и плавно лег на курс. В кабине и грузовом трюме резко упала сила тяжести. Генератор челнока работал куда с меньшей мощностью, нежели генератор поля тяготения «Семаргла». Теперь можно было легко допрыгнуть до высокого потолка. И повиснуть на потолочных балках, почти не прилагая усилий. Несколько рудознатцев, часто пользующихся челноком, именно так и поступили. Висеть под потолком было немного тяжелее, чем просто стоять, но зато не так тесно.

– Куда мы сейчас? – ударяя себя в грудь пудовым кулаком, спросил Кияшов – он никак не мог откашляться.

– Выйдем на стационарную орбиту Заповедника, отличную от орбиты «Семаргла», – ответил капитан. Название, которое дал планете Антон, уже успело прижиться. – И будем следить за кораблем. Издалека.

– Подальше от корабля? – удивился Кияшов. – Не понимаю зачем! Мне кажется, целесообразнее...

– Целесообразнее было бы для вас, Евграф Кондратьевич, немного расслабиться. Прилягте там, у стены, и отдохните. Если понадобится, я вам сообщу.

Кияшов покраснел, как вареный рак, которые ловятся в Москва-реке возле теплоцентралей, сжал кулаки, но возражать капитану не стал.

– Инна, подойдите сюда. – Зотов поманил девушку пальцем, та приблизилась. – Есть о чем поговорить, – сообщил капитан, – пойдете в хвост, там, кажется, не такая толкучка. Здесь очень душно.

Кое-кто из команды засмеялся. Зотов смерил весельчаков сердитым взглядом и, ведя под руку Инну, чтобы девушка с непривычки не взлетела под потолок (зрелище обрадовало бы всех присутствующих, а допустить этого было никак нельзя), отошел в относительно свободный, темный угол...

Жданов и Сумароков между тем отводили челнок от «Семаргла».

– Приглуши-ка правую дюзу, Коля, – дал указание первый пилот. – Развернемся порезче, тянуться некогда. Может, и вправду бабахнуть.

Сумароков провел рукой по сенсорной панели, и челнок закружило вокруг оси. Люди, висающие под потолком, закачались. Сила тяжести упала еще больше.

– Эй, нельзя ли поосторожнее! – крикнул один из рудознатцев.

– Бабу свою учить будешь! – рявкнул Жданов и решительно перевел рычаг в красный сектор.

– Ты меня главное до нее довези, – откликнулся рудозналец.

Челнок разворачивался, и скоро «Семаргл» стало видно в иллюминаторы.

– Дырок вроде бы нет, – покашливая, выдавил Кияшов, он понял замысел Жданова сразу и первым занял место у самого большого иллюминатора. – По крайней мере с этой стороны. Мы вокруг облетим?

– Уже облетаем, – отозвался первый пилот. – По баллистической траектории. Топлива много, но, как знать, для чего оно понадобится?

– Ну на Землю нам на этом челноке все равно не вернуться, – вздохнул Пирогов. – Разве что через пару миллионов лет...

– Через пару миллионов лет тут даже микробы вымерзнут, – вмешался в разговор Антон. Его первая специальность, которую он так и не получил, частенько заставляла его принимать участие во всех планетологических спорах. Все-таки в душе он был прирожденным планетологом и отлично представлял эволюцию живых организмов, приспособленных к жизни вблизи звезд...

Челнок плавно проходил над стальной громадой «Семаргла». Мало кто из команды видел звездолет со стороны в открытом космосе. Зрелище впечатляло. Казалось, что не они плывут

вокруг корабля, а отливающий серебром, представляющий собой сверху сплошное скопление трубчатых сочленений, внутри которых скрывались коммуникации, а сзади расширяющийся и переходящий в боковые и задние дюзы, корабль медленно поворачивается, демонстрируя людям совершенство своей конструкции. Левый и правый стабилизаторы, двухступенчатый пространственный конвертор, четыре пары метеоритных отклонителей, сопла мощнейших лазерных орудий, способных, если потребуется, испепелить крупный астероид и даже маленькую планету, дюзы, сочленения отсеков, два десятка фотонных ускорителей...

– Моща-а-а! – протянул штурман Ян Новицкий, он, как и другие, стоял возле иллюминатора. Волевое лицо штурмана отражало восхищение, в серых глазах отражался стальной блеск «Семаргла».

– А дырок я по-прежнему не наблюдаю, – констатировал Жданов. – Так же как, впрочем, и сколько-нибудь значимых трещин.

– С кресла не упади, когда начнешь наблюдать, – посоветовал Новицкий. – Странно, что вокруг «Семаргла» не вращаются куски мебели и обшивки... И еще кое-что...

– Что именно? – простодушно поинтересовался Жданов.

– Фрагменты тел, – ответил штурман, – я-то уже однажды оказался в такой переделке, знаю, как это бывает.

Инна в углу вскрикнула – должно быть, услышала последнее замечание Новицкого.

Зотов поглядел на штурмана строго, но замечаний делать не стал, только продолжал что-то втолковывать девушке, стараясь отвлечь ее от разговоров команды.

– Да ладно вам! Может, все и обойдется, – заявил кто-то из астрофизиков.

– Ну конечно, обойдется, – проворчал Кияшов. – Они просто проспали пожар – и все дела. А сейчас проснутся, подкрепятся, надышатся вволю... Ну ни хрена себе! Как лазером дыру вырезали! – внезапно выкрикнул он.

– Где?! – всполошился Зотов и кинулся к иллюминатору.

– Да вот же, вот! Кха! Кха! – опять закашлялся Кияшов. Запачканным в саже пальцем он тыкал в сапфировое стекло, словно собирался его продавить.

– Извините, где, Евграф Кондратьич? – начиная давиться смехом, поинтересовался Жданов.

– Ты еще смеешься, сволочь? – набросился Кияшов на первого пилота. – Вот, у тебя перед носом. Фрагментов тел, правда, не видно. И цельных трупов тоже. Наверное, все сгорели... – Старший помощник вздохнул. Вид у него стал такой, словно он собрался всплакнуть, но капитан не дал ему такой возможности.

– Это же отверстие люка, из которого вышел челнок, – пояснил он. – Вход в девятый отсек. Пока челнок не вернется, люк не будет закрыт. Зачем тратить энергию?

– Вот как? – удивился Кияшов. – Ну, стало быть... Хитро все это как-то придумано... Надо же... не будет закрыт... Действительно, люк! Ну а где же тогда дыра? – поинтересовался старпом.

Молчавший прежде Байрам Камаль откашлялся.

– Дальней разведке известны разные случаи повреждения кораблей. Точнее сказать, многие фантастические истории, которые в некоторых случаях получали реальные подтверждения... Я могу выдвинуть два предположения. Первое – корабль подвергся атаке плотного пылевого облака, движущегося с релятивистской скоростью. Какая-то стенка звездолета, – а возможно, и две, если пыль прошла насквозь, – похожа сейчас на решето. Невооруженным глазом такое повреждение заметить, конечно, невозможно. Ну и еще... «Семаргл» мог столкнуться с миниатюрной черной дырой. Она прошла его, как нож масло, и исчезла в глубинах космоса, унеся с собой часть вещества корабля. Дыра в этом случае тоже небольшая, но метеоритная защита с черной дырой не справится. Ее, собственно, и не обнаружишь заранее. Если принять во внимание эту версию, понятно, куда пропала часть экипажа.

– Сказки это насчет маленьких блуждающих черных дыр, – вставил веское слово один из астрофизиков.

– Может быть, и сказки, – не стал спорить Байрам. – Я же предупреждал, что все это – фольклор дальней разведки. Тут вопрос в другом – чей недосмотр вызвал аварию генуда?

– На что это ты намекаешь? – помрачнел Яловега. – Мы тестировали все оборудование. Перед стартом все системы работали слаженно, в нормальном режиме. Нашей вины тут нет. Можешь сколько угодно копаться своими грязными лапами...

– Это мы еще проверим! – отметил Олег Зайчиков. – Все проверим! Все выясним! Что работало. Что не работало. И кто виноват. – Он повысил голос: – И кто за это в ответе – тоже выясним!

В это мгновение вспыхнули зеленые лампочки в кабине и в практически ничем не отделенном от нее трюме челнока.

– Дыра возвращается! – взревел Кияшов. – Вот вам и сказки, мать вашу!

Его утробный рык потонул в самой отборной брани, которую только приходилось слышать команде «Семаргла» за все время путешествия. Ругались все. Даже нежная Инна Лазуренко выкрикнула какое-то ругательство, и Евграф Кондратьевич Кияшов, несмотря на весь ужас ситуации, в которой они оказались, покосился на нее с удовлетворением – мол, я говорил, что добром это не закончится и девушке придется проявить свое умение крепко выражаться.

– Без паники, – проговорил Жданов в микрофон громкой связи, используя его в качестве рупора. – Давление не падает. Дыры в корпусе нет. Просто выведен из строя кислородный генератор.

– Ну и пес с ним, – крикнул Кияшов, – на Землю нам все равно на этом корыте не добраться.

– Кислорода при таком количестве людей на борту хватит максимум на час, – сообщил Жданов и обратился к Зотову: – Капитан, что делать будем?

– Может, мы к тому времени уже вернемся на корабль... – заговорила Инна, но тут же испуганно замолчала.

– Если корабль, конечно, не взорвется... – На капитана было страшно смотреть. – А он может взорваться в любую минуту.

– И что нам делать?! – крикнул механик Цибуля. – Я еще молодой, я жить хочу.

– Я предлагаю садиться на планету. Это – риск, это противоречит уставу. Но, с другой стороны, мы не можем рисковать жизнями такого количества людей, – объявил капитан, – к тому же другого выхода я попросту не вижу.

– Мы же не знаем, что нас там ждет, – вмешался Новицкий, – а корабль, может быть, и уцелеет. Давайте подождем – и все!

– Давайте, правда, подождем, – поддержал его Кияшов. – Что нам остается?

– Нет, – отрезал капитан. – Мы провели все анализы. Судя по всему, Заповедник подходит для жизни. Я приказываю начать спуск!

– Вот это по-нашему! – обрадовался Цибуля, потирая руки.

– Дурак ты, – сказал ему Яловега, – чему радуешься?! Думаешь, там драгоценные камни на всей поверхности раскиданы? Хрен ты угадал. А бурить почву тебе никто не даст, да и нечем.

– А вдруг и правда валяются? – глаза Цибули расширились. – Мне что, мне бы всего пару камушков покрупнее, чтобы только на жизнь хватило. А остальное меня не интересует.

Антон Делакорнов презрительно поглядел на алчного коллегу, оттолкнулся руками от балки и мягко приземлился на пол – он знал, что во время посадки на спасательном челноке лучше сразу находиться на твердой поверхности, чем потом, когда гравитация изменится, бухнуться на пол...

Челнок с «Семаргла» плавно вошел в атмосферу планеты. К счастью, все системы, за исключением кислородного обеспечения, на челноке функционировали нормально, так что посадка не явилась большой проблемой. Лев Жданов включил двигатели всего на пару минут, дал аппарату импульс, подтолкнув его к планете, а дальнейшую работу по торможению выполнила атмосфера Заповедника.

Доктор Химель трудился в поте лица. Каждый член экипажа, которому посчастливилось попасть на челнок, получал три укола из разных инъекторов и, пребывая после процедуры в полной прострации, отползал в сторону – давал дорогу следующему члену экипажа. Первая универсальная инъекция воздействовала на любые бактерии, вторая выступала щитом против вирусов, а третья была поддерживающей, чтобы человек не умер от первых двух прививок.

Химель утверждал, что уже через час все будут чувствовать себя нормально. Ну, может быть, как после тяжелого похмелья.

– Так надо было нажраться! В смысле, выпить побольше, – заметил Ушлепкин, оглядываясь в поисках поддержки. – Все равно мучиться! И садиться не так страшно.

В то, что через час станет лучше тем, кого доктор уже успел привить, верилось с трудом. Руки и ноги стали, как ватные, голова взрывалась болью, внутренности крутило, некоторых натурально выворачивало наизнанку. Отвратительный запах заполнил все вокруг.

– Ничего-ничего, – сказал Химель, оглядываясь, – зато организму будет хорошо. Все продумано. Можете быть уверены на все сто.

– Были бы эти инъекции такими полезными и безопасными, их делали бы всем поступающим на флот, а не держали в докторском чемоданчике «на крайний случай», – проворчал Кияшов, которого недавно вырвало на собственные ботинки.

Лицо старшего помощника приобрело отчетливый зеленоватый оттенок.

– Теперь вы, – обратился доктор Химель к пилотам.

– Их после приземления, – вмешался капитан, – мы же не хотим, чтобы челнок сажал компьютер. Правда?

– Ну хорошо, – согласился Химель, – после так после.

– Поля, холмы внизу, – объявил Жданов по громкой связи, пытаясь докричаться до валявшихся на полу членов экипажа. – Лес еще. Река бежит.

– Живых существ вроде не видно, – проговорил Сумароков.

– С такой высоты разве что слонов можно заметить, – хмыкнул Жданов. – Здесь садимся, капитан? Или попробуем подальше протянуть, на двигателях?

– Поступай, как считаешь нужным, – отозвался Зотов. Капитана только сейчас скрутило основательно, он облокотился на стену и сплевывал на пол.

– Садись быстрее, – прорычал Кияшов. – Может, хоть немного легче станет. А то болтает тут.

Не успел он это сказать, как челнок тряхнуло и дернуло из стороны в сторону. Взвыл двигатель, создающий «воздушную подушку». Подрагивая всем корпусом, челнок стал медленно опускаться. В последний момент выдвинулись малые ступоры – врезались в почву, и корабль зафиксировался, замер.

– С посадкой вас! – Жданов развернулся в кресле, широко улыбаясь. Его взору, прикованному раньше к монитору, предстало поистине жалкое зрелище. Толпа бледных, с глубоко запавшими глазами, задыхающихся людей. Наличие большого количества углекислого газа в челноке уже сказывалось. Да и прививка от инопланетной заразы никому не добавила приятных ощущений.

– Можете колоть, – вздохнул Жданов, он обернулся к Сумарокову: – Или ты первый?

– Да ладно, я потом, – поспешно ответил Коля.

Жданов закатал рукав. Доктор Химель приблизился и всадил в руку первого пилота три инъекции.

– Чтобы укол начал действовать, нужно по меньшей мере полчаса, – пробормотал он. – А ждать полчаса мы не можем – задохнемся. Что ж, Лева-Левушка, ты спас нас всех...

– Что? Что?! Я не понял!

– Ну будем надеяться, что здесь... – начал Химель, делая укол Сумарокову.

– Открывайте, что ли, люк! – прорычал Кияшов, прервав бессвязные бормотания доктора. – Хватит расслабляться!

Жданов в нерешительности потянул за какую-то рукоять. Зашипел воздух, и в челнок ворвались ароматы чужой планеты. Пахло машинным маслом, свежей травой, корицей, немного медом и еще чем-то незнакомым, тревожным.

– Дышится-то как хорошо! – восторженно прошептал Зотов. – Как прекрасно дышится!

– Содержание кислорода в воздухе – тридцать семь процентов, – сухо сообщил Байрам Камаль, постучав по своему хронометру, имеющему массу полезных свойств. – Здесь весьма пожароопасная обстановка. Но зато восстановимся мы быстро. Столько лишнего кислорода... На выход! Все, кто хотят, на выход!

Люди потянулись к открытому люку.

Окружающий пейзаж почти не отличался от земного. Неподалеку от челнока росли кусты, усеянные красными ягодами и зелеными мясистыми листочками, в отдалении ветер гулял в кронах молодых деревьев, обвитых лианами. Они росли на опушке густых зарослей, более всего напоминающих джунгли. Мягкая черно-красная почва местами поросла сочной зеленой травой. Здешние растения тоже вырабатывали хлорофилл.

Антону Делакорнову новый мир совсем не понравился. Он внушил ему необъяснимую дрожь и чувство, что в ближайшее время должно произойти что-то очень и очень плохое. Дышалось здесь действительно легко и приятно после спертого воздуха спасательного челнока, но что-то не давало ему покоя. Антон присел на корточки и увидел в траве и на земле множество мелких существ. По земным меркам – насекомых. Но здесь эволюция могла пойти другим путем, и эти ползающие мелкие твари могли принадлежать к любому виду.

Копошашиеся на земле существа сразу заинтересовали Инну Лазуренко. Несмотря на то что девушка специализировалась по микроорганизмам, профессия биолога заставляла ее внимательно относиться к любой инопланетной живности.

– Стало быть, здесь и будем жить? – спросил Цибуля. – Нам не страшны здешние микробы, доктор?

– Кто его знает? – вздохнул Химель. – Если страшны, вы скоро узнаете об этом.

– И как мы об этом узнаем?

– Ну-у, – протянул доктор, – клиника заболеваний может быть различной...

– Например? – настаивал Цибуля.

– Например, поселятся у вас под кожей какие-нибудь паразиты и будут вас поедать изнутри, – предположил Химель, не заметив, как вытянулось лицо молодого механика. – Пока полностью не съедят какой-нибудь жизненно важный орган... Или, скажем, местная флора повлияет на вас таким образом, что у вас проявятся все симптомы токсического отравления, кожа пойдет волдырями, вас будет поминутно выворачивать наизнанку...

Михаил Соломонович поднял глаза и только сейчас увидел, что молодой механик давно покинул его, убежал, размахивая руками, чтобы не слышать страшных прогнозов доктора.

– Интересно, есть тут какие-нибудь зверушки? – задумчиво проговорил Кияшов. В руках он держал лучевой автомат и с самым свирепым видом озирался. Сейчас он больше всего напоминал рейнджера из дешевого американского сериала «Охотник за китайскими колонистами». Сходство отметили все. Некоторые засмеялись, чем вызвали у Евграфа Кондратьевича сильное раздражение.

– Чего скалитесь?! – свирепо прорычал он, чем породил новый взрыв хохота. – А может, тут и правда хищники какие водятся?! Лучше все возьмите оружие, пока не поздно...

– Самые страшные хищники – микробы, – в один голос заявили Инна и Михаил Соломонович.

– С остальными, более крупными формами жизни, – уточнил доктор, – человек всегда конкурировал более чем успешно.

– Может, прогуляемся к лесу, посмотрим, что там?! – легкомысленно предложил капитан. Должно быть, сказывались последствия прививок и опьянение кислородом.

– Ага! – обрадовался Цибуля. Он уже предвкушал, как находит под сенью неведомых деревьев выходящую на поверхность жилу платины. Или изумруды, которые жесткие древесные корни выдавили из подземных хранилищ.

– Эй! – Кияшов схватил Зотова за рукав. – Я не думаю, что...

– Спокойнее, Евграф Кондратьевич. – Капитан мягко высвободился. – Я знаю, что делаю. – Он обернулся к челноку, вокруг которого, вглядываясь в окружающий ландшафт, стояли уцелевшие члены команды «Семаргла», большинство которых пока так и не отошли от действия уколов. – Выгружайте оборудование и оружие. Раз уж мы здесь оказались, надо провести детальный анализ, взять образцы почвы, растений, ну и микробов, конечно. – Он кивнул Инне и Химелю. Поскольку никто не двинулся с места (работать после подобных прививок – занятие не из приятных), Зотов прикрикнул на людей: – Выполнять! – И обернулся к Инне: – Давай в самом деле пройдем, да не бойся, ты же со мной!

После короткого колебания Инна последовала за Зотовым к джунглям. Следом потянулись те, кто решили, вопреки приказу капитана, не заниматься разгрузкой челнока. Старались идти группой – неизвестно, чего можно ждать от нового мира, хотя на первый взгляд он выглядел вполне уютно.

Один только Цибуля побежал вперед, надеясь первым обнаружить что-нибудь ценное. До джунглей он так и не добрался. Навстречу ему из-под сени молодых деревьев выбралось зеленоватое, грибоватое существо.

– Ой, что это? – заверещал механик. – Ой! Смотрите, смотрите! Ну и ну!

Привлеченные воплями молодого механика люди прибавили шагу.

– Лошадка! – хмыкнул Кияшов, но на всякий случай поймал инопланетное животное в прицел лазерного автомата. Жизнь научила старшего помощника осмотрительности.

Сравнить зверя с лошастью можно было только с большой натяжкой. От лошади у него была разве что продолговатая голова с парой крупных, поминутно фыркающих ноздрей. В остальном же животное скорее напоминало помесь кенгуру и гигантской жабы. Сильные задние лапы, небольшие передние, приземистое и крепкое туловище. И зубы – выступающие из-под верхней губы, плоские, большие. А на раздувающихся боках то ли мех, то ли щетина грязно-болотного цвета.

– Травоядное, скорее всего, – констатировала Инна. – Вряд ли его стоит бояться. Форма зубов указывает на то, что оно питается растениями. Перемалывает волокна. Хочешь назвать его? Ты же первый заметил...

Цибуля счастливо улыбался.

– Симпатичный, – сказал механик. – Шкурка смешная... Пятнышки... – Он протянул руку и потрепал зверя по холке: – И не боится совсем.

– Чего ему бояться? Он никогда не встречал человека, следовательно, таких, как ты, просто нет в его генной памяти, – объяснила девушка.

– И все же, ты бы к нему не лез, – предложил капитан. – Наиграешься еще. Если их тут много.

Инопланетный зверь тем временем изменил позу, задрал голову к небу и издал приятный, мелодичный звук. Словно музыкант взял ноту на флейте.

– Какой славный! – восхищенно произнес Цибуля и еще раз погладил существо по холке. Зверь повернул голову, взглянул на Цибулю совсем по-лошадиному мудрым карим глазом,

потом вдруг резко дернул головой и цапнул механика за руку. Инна ошиблась – зубы животного служили не только для перемалывания волокон, они оказались вполне пригодными к тому, чтобы откусить Цибуле руку.

Механик отчаянно завопил, схватился за обрубок и упал на колени. Из покалеченной конечности бил фонтан крови. «Лошадка» кинулась к нему и вцепилась в горло.

Люди с криками бросились назад.

– Вот те на! – выкрикнул Кияшов и дал по «лошадке» длинную очередь из автомата. Пара лучевых импульсов досталась и механику. Впрочем, на то, чтобы выжить, у бедняги и так не осталось ни шанса – из разорванного горла хлестала кровь, а хищная тварь продолжала трепать Цибулю.

– Так тебе, сука страшная! – выдавил старпом, глядя на расплосованную лазером «лошадку», и вдруг услышал идущий от джунглей подозрительный шорох. Он поднял голову. Из густой растительности выбиралось, переваливаясь на странных, неровных лапах, не меньше десятка близких родственников убитого хищника. Выглядели они угрожающе, сосредоточенно шли вперед.

Кияшов развернулся и побежал без оглядки. В то же мгновение зверей заметили остальные.

– К челноку! К челноку! – закричал Зотов.

Но было уже слишком поздно...

Зайчиков кричал не переставая. Зубы огромной твари распороли его до самого подбородка. Рядом с ним сидела Инна и глотала слезы. Капитан Зотов распаковывал очередной мешок с энтропийными зарядами. Собирался дать новый залп по враждебным джунглям. Доктор Химель лежал поодаль с электромагнитным ружьем и поминутно поправлял очки. Антону Делакорнову повезло больше других – лазерный автомат считался оружием надежным и обладающим страшной убойной силой. Он получил его во время спешной раздачи оружия и уже неоднократно имел возможность порадоваться, что именно автомат, а не какая-нибудь простая бесприцельная винтовка составляет его личный арсенал.

– Как вы думаете, они разумны? – спросила Инна дрожащим голосом.

Обращалась она к Химелю, но откликнулся старпом Кияшов.

– Эти суки? Несомненно, – ответил он.

– Полагаете, существа, окружающие нас, женского рода? – осведомился доктор.

– Тебе, на хрен, какая разница? – прорычал старпом. – Ты стреляй, как шебаршиться начнут. И все!

– Нас убьют? – прошептала Инна.

– Убьют? Это вряд ли. Нас просто съедят. Может, даже живьем проглотят. Но вряд ли это намного приятнее... – Кияшов скривил рот. – Если хотя бы раз в жизни мне повезло, я бы сказал, что мы выберемся, но...

– Что «но»?.. – переспросила Инна, вглядываясь в лицо старпома с надеждой.

– Но мне никогда не везло! – отрезал Кияшов и закашлялся. – Вот и с легкими у меня что-то совсем беда. Наглотался дыма. Нет, не выберемся мы. Сожрут нас! Точно сожрут!

– Не слушай его, – сказал капитан и протянул старпому два энтропийных заряда: – Когда подойдут ближе, швыряй в левый фланг, я буду атаковать справа...

– А что мне делать? – спросила Инна.

– У тебя есть дело, – капитан посмотрел на Олега Зайчикова.

Тот успокоился, по его лицу ползла багровая тень. Капитан повернул голову. Кроваво-красное солнце садилось за кроны раскидистых деревьев, растущих на самой опушке. Из темноты визжало, стонало, улюлюкало инопланетное зверье. Разумное зверье. В атаку они шли, плотно сомкнув ряды. Сейчас твари заходили с фланга и пытались их окружить. Пока не

выходило. Линию обороны держала малая горстка уцелевших во время катастрофы и первого нападения.

«Сейчас сумерки спустятся, и прилетят сфидерасы», – внезапно подумал Антон. Это была не его мысль, и она ему совсем не понравилась. На него вдруг лавиной нахлынули чужие воспоминания. Неподалеку от корабля он видел останки хранта, одной из тех огромных тварюг, с которой он встретился в том странном амфетаминовом сне. У него самого еще был хвост. Или все это происходило наяву? Да и пейзажи вокруг очень уж похожи... «А может, сказать капитану, что я уже здесь был? – подумал Антон и тут же одернул себя: – Что это изменит, кроме того, что все решат, будто я законченный псих?! А может быть, я и есть псих! Может, все то, что я вижу вокруг себя, – продолжение этого сна? Как можно проверить, реальны ли происходящие с тобой события? Пожалуй, что никак. Особенно если эти события столь специфичны. И ты боишься прыгнуть в лапы зубастой твари, чтобы проснуться. Потому что после такого безумного поступка можешь не проснуться уже никогда».

Зайчиков захрипел и выгнулся дугой.

– Ему уже не поможешь, – прошептала Инна и всхлипнула.

– Проклятие! – выругался капитан и уже мягче добавил: – Не волнуйся, милая, мы выберемся!

– Мы все погибнем! – крикнул кто-то из команды «Семаргла».

– Прекратить панику! – рявкнул Зотов.

– Паникеров мы будем расстреливать, – добавил Кияшов. – Из парализаторов. На здешних тварей парализаторы все равно не действуют – так хоть патроны сэкономим.

– Лучше расстрел, чем попасть в зубы к этим тварям, – послышался выкрик из тумана.

– Прекратить! – проорал Зотов.

Паникеры замолчали. Звери тоже затаились. Затишье оказалось недолгим.

Антон обернулся к западу и увидел, как на фоне уходящего за горизонт кроваво-красного светила шевелятся черные тени. Инопланетные твари перебежали с места на место, прижимались к земле, маскируясь.

– Делакорнов? – позвал капитан.

– Слушаю! – откликнулся Антон, держа на прицеле лазерного автомата чересчур умных тварей.

– Сможешь добраться до челнока?

– Я что, похож на самоубийцу?! – вырвалось у молодого человека. – И почему именно я? Тут и слизни, и вихорки... Да вы еще хрантов не видели!

Последние слова Антон прокричал. Капитан пристально посмотрел на него.

– Какие еще хранты, механик? У тебя что с головой?

– Он, сволочь, опять амфетаминов обожрался! – взревел Кияшов. – Где взял только? Шлепнуть его – и все дела! Из парализатора!

– Его же съедят монстры, – вступилась за механика Инна. – Он даже убежать не сможет!

– Ну и поделом ему, – приговорил Антона старпом. – Наркоманы нам не нужны! Хранты, понимаешь.

– Всем нам канты, – вмешался в разговор плохо расслышавший прежние реплики Химель. – Всем, всем, всем... А я и лекарство в челноке оставил. Такие чудные капсулы...

Антон выдержал взгляд капитана и повернулся к Инне. Девушка всхлипывала.

– Вот черт, – выругался Антон, – да зачем вам этот челнок понадобился? Теперь, когда нам все равно конец?

– У нас кончаются энтропийные заряды, – сказал капитан, – на борту есть еще боеприпасы... К тому же, если бы тебе удалось оторвать челнок от земли и привести его сюда, мы, по крайней мере, смогли бы отлететь на безопасное расстояние. На наше несчастье, не осталось ни одного пилота. Ты вроде бы что-то смыслишь в технике? Сможешь поднять челнок?

– Смогу, – ответил Антон, – можно постараться...

Твари оттеснили их, отрезав от спасательного челнока меньше часа назад. Действовали они уверенно и согласованно, не оставив людям ни единого шанса. Впрочем, кто мог подумать, что здесь водится столько всякой дряни? Ну микробы, ну ядовитые насекомые. Мелкие хищники, на худой конец. Но не столько же плотоядных тварей! Да еще действующих слаженно, словно рота опытных солдат.

– Пойдешь с Химелем, – сказал капитан, – мы тебя прикроем.

Доктор поправил очки, на его лице был написан бесконечный ужас.

– Я... я... Какая от меня может быть польза?.. Да... Да. Хорошо. Да, я... конечно...

Химель поднялся на ноги, рассеянно посмотрел по сторонам, и в то же мгновение из темноты вынырнуло длинное щупальце и метнулось к нему. Хищник таился неподалеку, ожидая удобного случая, чтобы напасть. Зотов вскинул карабин и произвел три точных выстрела разрывными пулями. Розовая плоть прорвалась в нескольких местах. Хлестнув доктора по лицу, щупальце втянулось в гигантский зев. Химеля отбросило в сторону. Инопланетное существо с визгом удирало к лесу.

– Михаил Соломонович, – один из рудознатцев, вооруженный дальнобойной электромагнитной винтовкой, подполз к доктору и потряс его за плечо, – Михаил Соломонович... Кажется, без сознания, – констатировал он.

– Ладно, я пошел, – решил Антон и рванул с места.

– погоди, куда один?! – крикнул Кияшов, но механик его уже не слышал.

Антон взял направление прямо на челнок, но потом увидел, что путь ему преградило несколько растекшихся по земле, каплеобразных животных, плюющихся жгучей зеленоватой слизью.

Делакорнов решил обойти их вдоль холма. На шее у него висел лазерный автомат облегченной конструкции, поэтому он питал надежду, что от опасности удастся уберечься. Точнее, с честью встретить любую угрозу.

«Подумать только, как смотрела на него Инна, когда он вызвался идти один».

Антон задумался и зверя заметил слишком поздно. Не слишком крупный, он катился на него, матовый шарик почти ровной формы. Таким бы играть в кегли. Молодой человек отпрыгнул, но шарик резко сменил направление, ударил его под колено и откатился. Антон не удержался на ногах, упал, но успел вскинуть автомат. Шарик уже развернулся в причудливое создание на маленьких ножках. На лбу твари торчали тонкие иглы, не меньше сорока пар тонких лапок сжималось и разжималось. Луч прорезал гадину насквозь. Пронзительный визг оглушил Антона. Он вскочил на ноги и, припадая на ушибленную ногу, побежал вдоль склона холма.

Челнок маячил впереди недостижимой громадой. Повсюду догорали обломки ценного оборудования, которое люди успели выволочь наружу. Какими же глупостями занимались они в первый час после высадки! Бродили по лесу и зарослям хвощей, искали площадку для лагеря, пытались начать строить какое-то жилье вне челнока... Что бы им не помешало – так это проволочное ограждение под током вокруг места посадки! Железобетонная стена. Или глубокий ров. А лучше – все вместе...

Планета, которую Антон назвал Заповедником, была слишком хороша для жизни. И жизни здесь было в избытке. Но жизнь проявляла свойственные только признаки разумности. Она хорошо охотилась, взаимодействовала между собой... Твари самых разных видов почему-то решили объединиться для того, чтобы сожрать землян. Люди были здесь самыми слабыми. А слабых, как всегда и везде, едят в первую очередь.

На планете с неудачным, почти идилическим названием Заповедник жизнь рычала и кусалась, проявляя изощренную хитрость. Может быть, для того чтобы здесь образовался действительно разумный вид, нужны серьезные потрясения? Великие оледенения, необходимость

приспосабливаться к новым условиям жизни. А иначе – зачем слезать с веток? Долгие годы твои предки ели мясо – с какой стати тебе переходить на орехи? Или наоборот?..

Антон споткнулся о стальной сейф, который неизвестно зачем вытащили из челнока, упал, поднялся и тут же увидел впереди сразу несколько крупных зверей. Вортексы! Гигантскими скачками они неслись к нему со стороны джунглей. Антон упал на колени и вскинул автомат. Красная точка прицела мелькнула на морде первого зверя. Антон спустил курок. Лазерный луч прочертил в кустарнике широкую огненную полосу. Зверь завизжал и рухнул, как подкошенный. Второму перерезало лапы. Третьего Делакорнову удалось уничтожить, когда он уже взвился в прыжке и готовился упасть на человека сверху. Антон отскочил в сторону, и существо с оскаленной, жуткой мордой рухнуло туда, где он только что стоял. Острые когти пропахали землю.

Несколько секунд Делакорнов смотрел на поверженных врагов. Легкие буквально разрывались. Сердце колотилось в грудной клетке, готовое в любой момент выскочить наружу. О, как ему сейчас пригодилась бы хоть одна белая пилюля! Она успокоила бы его, позволила спокойно осмыслить происходящее, дала возможность действовать слаженно и уверенно. Он бы сделал тогда все, что в его силах, чтобы добраться до челнока. А сейчас он просто не может, он должен вернуться! Он и так уже сделал все, что мог. Антон в нерешительности обернулся.

Там шел бой. Слышался грохот. Потом ударили взрывы – сначала один, затем другой... Огненные вспышки сверкнули вдалеке, прорезав густые сумерки. Люди швыряли в монстров последние энтропийные заряды. Боеприпасы у них подходили к концу.

Солнце почти село. Челнок стал совсем черным. Оставленный последним лучом заходящего солнца кровавый блик лежал на внешней обшивке.

Антон слотнул, проверил автомат. Уровень зарядки аккумулятора – сорок семь процентов. Хватит на то, чтобы разделаться с большим количеством гадов. Но достаточно ли сорока семи процентов, если их будет слишком много? Так хочется быть поближе к остальным, а не бороться с хищниками в одиночку, когда в любой момент тебе на спину может спикировать сфицерапс! Если вдуматься, животное желание. Стадное чувство из далекого прошлого.

Что ж, предки Делакорнова не могли похвастаться кинжальными зубами. А вот соображали они действительно лучше многих. Именно поэтому твари, подобные тем, что верещали здесь, вымерли, а род людской, слабые безволосые обезьяны, не только доминируют на своей планете, но и распространяются по Галактике. Правда, здесь их, похоже, принимают за неожиданный подарок судьбы. Десерт к обеду. Неприятная неожиданность для Человека, привыкшего считать себя венцом творения!

– Наверное, я и правда псих! Ведь мне за это даже не заплатят! – проговорил Антон и кинулся к челноку.

Бежать оставалось совсем немного. Вот только прилегающая территория вся сплошь оказалась оккупированной плюющимися, ползучими гадами. «Аранобии», – вспомнил Антон. В местной иерархии хищников они могли играть роль охранников, потому что нападали из засады, а если их было много, то устраивали настоящие «облавные» охоты. Челнок, несомненно, был для них сейчас важным стратегическим объектом. Или большой консервной банкой, пахнувшей человеческой плотью...

Антон даже взвыл от досады. Сорок семь процентов – а тварей не меньше сотни. Выходит, дополнительный боезапас недоступен! Туда ему, может быть, еще и удастся пробиться, но на обратный путь заряда не хватит.

Значит, придется поднять челнок в воздух и перенести на другое место. Учитывая то, как трудно они приземлились, задача предстоит не из легких. Главное, чтобы двигатель был в порядке, а по поводу герметичности можно даже не беспокоиться – он же не собирается выводить машину за пределы атмосферы. Только забрать уцелевших членов экипажа «Семаргла» и отлететь с ними на безопасное расстояние. Есть же на этой чертовой планете место, свобод-

ное от хищников. Какой-нибудь остров. Или гора, на которой они смогут спокойно сидеть и питаться кожаными креслами. Байрам Камаль, похоже, знает толк в съедобной мебели. Жаль, его больше нет... Впрочем, и другому специалисту-навигатору недолго осталось...

Антон снова выругался и побежал вперед. Враждебные существа заметили его, когда он был на расстоянии выстрела. Аранобии сразу пришли в движение, они рассредоточились и стали раздвигаться полукругом, намереваясь принять его в центр кольца, окружить и прикончить.

Перед небольшим холмиком Делакорнов остановился. Отсюда вполне можно вести огонь. Он присел и начал поливать хищников с колена. Левое щупальце полукруга сжалось. Плоские твари спешили убраться под защиту металлического корпуса челнока. Но многим уйти не удалось. В отличие от «шара из кегельбана» эти гады умирали молча – съживаясь на земле в серые бесформенные сгустки.

Антон заметил, что правое щупальце придвинулось уже довольно близко. К счастью, расстояние все еще оставалось слишком большим, чтобы аранобии смогли использовать свои ядовитые метательные железы на полную катушку. Вскинув автомат, Антон направил огонь на правый фланг и двинулся вперед. Он медленно, но верно продвигался к челноку. Пот застилал глаза, но он шел, сжав зубы до боли в челюстях, сжигая монстров сотнями. Он косил их лазерным лучом и испытывал ни с чем не сравнимое мстительное удовольствие. Он уничтожал их за всех погибших землян, за тех, кто уже никогда не сможет вернуться на родную планету...

Антон почти добрался. Челнок находился в каких-то двадцати шагах. Но позади он вдруг уловил какое-то движение и резко обернулся. То, что он увидел, вызвало у него ужас. Пока он разбирался с малым кольцом, большое, состоящее из тысяч крупных аранобий, сжалось вокруг него. Они перехитрили человека и теперь надвигались на него.

Выход только один: пробиваться к челноку и надеяться на лучшее. Антон ринулся к трапу, поливая землю перед собой огненным лучом. Вновь обернулся через плечо. Аранобии ускорились. Заманивая человека в ловушку, они перемещались не так проворно. Чуждый, враждебный разум. Он вбежал на трап и развернулся. Проклятие, пока он будет набирать шестизначный код, они набросятся на него. Не успел он это подумать, как люк распахнулся, и чья-то крепкая рука втащила его внутрь. Люк закрылся за спиной Антона, отрезая его от хищников...

– Черт! – Антон обернулся. Перед ним стоял Байрам Камаль.

– Не стоит благодарностей, – сказал разведчик, – просто увидел тебя на экране и решил, что тебе потребуется помощь.

– Но как вы оказались в челноке?

– Вас отрезали, а нам удалось пробиться.

– Нам? – Антон обернулся. В креслах возле пульта управления сидели еще двое – «наушник капитана» Коля Сумароков и штурман Ян Новицкий.

– Мы... мы думали, вы все погибли, – проговорил Антон, с трудом переводя дыхание.

– Стало быть, ты не один спасся? – штурман нехотя поднялся с кресла. – А мы полагали, что заряды детонируют сами по себе... И что теперь?

– Поднимайте, челнок, – закричал Антон. – Скорее! Нашим требуется помощь. Они там... бьются из последних сил... Им без нас не выжить.

– Ничего не получится, – хмуро ответил Сумароков, – двигатели повреждены, посадка была слишком жесткой. Да ты и сам знаешь.

– Как это ничего?! Мы должны что-нибудь сделать! – крикнул Антон.

– Мы пытались, – отозвался Новицкий. – Я даже осмотрел двигатель. Но не понимаю я в них ничего. Не понимаю! Так что расслабься. Садись и отдыхай.

– Хорошо, дайте мне боеприпасы, я пойду к ним. Нужно пройти к ним. Можно пробиться вдоль холма и дальше... Мы вытащим их и вернемся на корабль.

– Смотри сюда, – Новицкий повернул кресло и ткнул пальцем в черно-белый монитор, – что ты видишь?

Антон приблизился. Аранобии облепили весь челнок. Несколько тварей припали к люку, словно хотели услышать, о чем там, внутри, за плотной металлической обшивкой, беседуют люди. Их были тысячи.

– Что это такое? – выдохнул Антон. – Они что, караулят вас?

– При твоём приближении они расступились и пропустили тебя внутрь, – ответил Новицкий. – Хотят, наверное, чтобы все были в одной консервной банке.

– Что за ерунда? – Антон похлопал по автомату. – Я сам пробился!

– Ты так думаешь? – хмыкнул Новицкий. – Тоже мне герой. Нас, вообще говоря, тоже сюда загнали.

– Но мы должны что-то сделать, – Антон почувствовал, что происходящее сводит его с ума. – Надо помочь нашим? Там капитан, доктор Химель и Инна...

– Вот всегда он так, – заметил Сумароков. – Думаешь, один такой, добренький? А я жить хочу...

– Мы не сможем им помочь, даже если очень захотим, – заметил Новицкий, – ты же, кажется, сам все видел. Мы не выйдем отсюда. Они сидят прямо на люке.

– Сможем! – твердо заявил Антон. – Во всяком случае, попытаемся. Я в машинное отделение. Кто со мной?

– Да мы уже смотрели двигатель, – высказался Сумароков, – ни черта не работает.

– Помолчи, – одернул его Новицкий, – ты же не механик. А он механик. Вдруг у него что-нибудь получится...

– Ну пусть, пусть помучается, механик, – проскулил Коля. – И сам погибнет, и нас погубит. Да он на амфетаминах сидит. Небось и забыл уже, как двигатель выглядит... Хотя все равно нам здесь крышка...

В этот момент по корпусу что-то ударило так сильно, что челнок вздрогнул.

– Ничего не понимаю, на экране никого нет, – сказал Новицкий и пощелкал по нему пальцем.

– Наверное, из-под земли бьют, – предположил Байрам Камаль, – я уже не удивлюсь, если у них там тяжелая артиллерия для нас приготовлена. Пошли...

– Пошли! – в сопровождении Байрама Камалья Антон направился в машинное отделение. Новицкий и Сумароков остались вдвоем.

– Странно все это, – заскулил Коля.

– Что странно? – спросил Новицкий.

– Странно, что эти твари перед ним расступились, как будто поклоняются ему, и пропустили его внутрь. Мне что-то это не нравится. Я ему не доверяю...

– Да брось ты!

– Что брось? А если они перекидываться умеют, в людей превращаться, – расширил глаза Сумароков. – Я такое в стереопостановке видел.

– Ну это уже вообще ерунда какая-то, – хмыкнул Новицкий. – Меньше стерео смотри. Ой, что это там такое?!

В углу экрана появилась темная тень и стала стремительно расширяться, скрывая изображение.

– И правда, что? – взвизгнул Сумароков.

– Эксель-моксель, – выругался штурман, – да это же слизень, он на камеру напозает. Если так дальше пойдет, то скоро мы ослепнем.

Когда половину монитора покрыл мрак, Новицкий увидел на экране нечто такое, что заставило его кожу покрыться мурашками. С холма спускался огромный зверь. Даже в сумерках было видно, как быстро он двигается. Голова его отливала черным.

– Ну и зверюга! – проговорил Новицкий.

– Это хрант! – пояснил Антон из-за его спины.

– А! – вскрикнул Новицкий и обернулся. – Нельзя же так подкрадываться!

– Двигатель будет работать, – сообщил Антон, – всего-то и делов, надо было перекинуть перемычку. Там выводящий шланг погнулся.

– Ну так заводись давай, заводись! – закричал Сумароков. – Что же мы стоим?! Этот зверь нас сейчас сожрет!

– Ты пилот, ты и заводись! – спокойно сказал Антон. – Я свою часть работы сделал!

– А ну давай! – проревел Новицкий, повернулся к пульту управления и принялся дергать на себя тумблеры и нажимать кнопки. – Николай, да что с тобой? Тебя пока раскачаешь...

Сумароков завороченно смотрел на темный экран, теперь только в левом верхнем углу виднелась светлая точка, затем и она исчезла, скрытая телом слизня.

– Они что же, и вправду разумны? – выдавил он. – Камеру закрыли. Даже не верится.

– Они очень умные, – подтвердил Антон.

– А ты откуда знаешь? – проговорил Сумароков и бросил взгляд на Новицкого: мол, я же предупреждал.

– Действительно, – растерялся штурман, – хранты какие-то... Ты знаешь, что они разумные. Что это, черт побери, значит?

– Я не знаю, как это объяснить, – проговорил Делакорнов, – но я почему-то многое о них знаю, и все...

Не говорить же им в самом деле, что, когда он принял амфетамины и потерял сознание, он самому себе почудился каким-то хвостатым существом, пробирающимся через враждебные джунгли этого самого Заповедника. Его Заповедника, который на поверку оказался отнюдь не планетой, полной залежей драгоценностей, а настоящим адом... И что название будто кто-то нашептал ему во сне...

Второй удар оказался намного сильнее первого. Челнок вздрогнул так, что замигали лампы. Снизу послышался хруст.

– Проклятие! – закричал Камаль. – Поднимайте корабль!

В это мгновение в челнок врезался хрант. Антон понял, что это хрант по тяжелому, скрежещущему звуку. Челюсти огромного зверя корезили стабилизаторы.

Сумароков, наконец, очнулся и взялся за штурвал.

– Стартуем, – сообщил Новицкий и обратился к Коле: – Ну что, ты справишься?

Без первого пилота, Левы Жданова, Коле летать еще не приходилось.

Леву растерзала здоровенная тварь с чудовищной пастью, полной огромных белых зубищ. Штурман сам видел, как зверь схватил Жданова и трепал бездыханное тело на утоптанной множеством ног буровато-желтой траве. И никто так и не отважился подойти, чтобы отбить у зверя тело первого пилота.

– Ему уже все равно, а мы можем спастись! – цинично заметил старпом Кияшов, и в это мгновение с севера налетел ураганный ветер, а вместе с ним стаи маленьких птиц. Они упали на людей стрекочущей, лютой тучей, в которой было не разглядеть даже собственной руки, не то что направления движения. Когда птички так же, как прилетели, унеслись в черное от настоящих грозовых туч небо, люди оказались разбиты на две группы и отрезаны друг от друга. Ценное оборудование частично было брошено. Когда на тебя налетает стая непонятных тварей, думаешь только о том, чтобы защитить глаза от их острых клювов. Усугубляя разрыв, целая толпа разнообразных существ, действующих так, словно они были единым целым, вкли-

нилась между людьми, напала на них. Капитану Зотову пришлось оставить челнок и срочно отступать...

– Справишься? Тебе медаль дадут... Пенсию пожизненную. Что ты еще хочешь?

– Ничего я не хочу! – буркнул Сумароков. – Постараюсь. Один раз летал сам. Все равно нам тут крышка. А так бы ни за что не полетел.

Взревели двигатели, челнок подбросило вверх, по корпусу процарапало снизу вверх, раздирая обшивку. Послышался чудовищный рев и сразу стих.

– Кранты хранту! – удовлетворенно заметил Антон. – Приятно, черт возьми!

– Обшивке тоже кранты, – буркнул Новицкий, – все слышно, что снаружи происходит, не иначе как там дыра величиной с храм Христа Спасителя.

– Не надо богохульствовать, – поморщился Камаль.

– А ты что, православный? – удивился Новицкий.

Байрам Камаль не счел нужным ответить.

Новицкий дернул рычаг. Включились нижние двигатели, но челнок мотало из стороны в сторону и закручивало так, словно в воздухе образовалась воронка, стягивающая корабль с людьми обратно на враждебную планету.

– Что-то с боковыми дюзами, – пробормотал Сумароков, – забились, что ли? Не пойму!

– Газу поддай, авось прочистятся! – крикнул Антон. – Нам главное – до наших дотянуть!

– Так мы далеко не улетим. – Сумароков покачал головой. – Дестабилизация приведет к разрушению корпуса.

– Полетели за нашими, – упрямо сказал Делакорнов, – кончай болтать.

Коля резко обернулся.

– Может, хочешь сам за штурвал сесть? На, попробуй! Я вообще-то не против!

– Кончай ругаться, – рассердился Новицкий, – давай, без выравнивания лети, посмотрим, по крайней мере, что там...

– Да там уже и нет никого...

– Пошел ты! – выкрикнул Антон. – Они еще там! И они ждут нашей помощи...

– Давай, Коля! – мягко проговорил штурман.

– Ладно, пеняйте на себя. – Сумароков пожал плечами. – Когда аппарат развалится на высоте в 500 метров, я на вас посмотрю.

– Посмотришь, посмотришь, – проворчал Антон, – а я на тебя посмотрю. Забавное, должно быть, зрелище будет!

– Парни, да что с вами? Кончайте лаяться, – примиряюще произнес Байрам Камаль. – Тут челнок так качнуло, что он не удержался на ногах и ударился головой о переборку.

Монитор вдруг разом просветлел. Антон увидел внизу качающуюся из стороны в сторону землю. По ней перебежали, глядя вверх, отвратительные создания. Хрант лежал, распластавшись, разбросав толстые лапы. На его тело заползло несколько аранобий. Мертвое животное стало частью инопланетного пейзажа.

– Отлепилась, гадина! – проронил Байрам Камаль, потирая ушибленную голову.

– Толку-то, изображение носится туда-сюда, – сказал Сумароков, стараясь поднимать челнок как можно медленнее. Он осторожно тянул рычаг на себя. От напряжения на лбу, над самой переносицей, у пилота проступила голубая вена.

Корабль землян развернулся и поплыл над враждебной планетой.

– Прибавь немного! – попросил Антон. – Они же там не продержатся до нашего прилета.

– Мне плевать, – взвизгнул Сумароков, – я не хочу падать с такой высоты!

– Ладно тебе, – сказал Байрам Антону, – мы тоже хотим их спасти. И себя... Вместе нам выжить проще будет. Сейчас самое главное не надеть глупостей.

В каких-нибудь ста метрах от цели челнок опасно накренился, но Сумарокову удалось его выровнять.

– Вот черт! – Новицкий стер со лба пот и обернулся к Антону: – Мы почти на месте. Надо взять оружие.

– Возьмем всего побольше! – заявил Камаль. – Энтропийных зарядов... Кто бы знал, что понадобятся... Ими ведь ведут взрывные работы на астероидах.

– Что-то вроде этого, – кивнул Делакорнов. – Рудознатцев здесь нет. Но и устройство у заряда примитивное – время выставил, активатор нажал – и готово дело. Только есть ли еще здесь заряды?

– Вот они! – крикнул Новицкий.

Антон взглянул в монитор. Слава богу, люди все еще были живы, но инопланетные твари продолжали их атаковать. Все, кто находились севернее, погибли. Фрагменты человеческих тел были разбросаны повсюду на красной от крови земле. Со стороны леса, сбившись в черную тучу, к людям бежали хвостатые, головастые монстры.

– Я здесь не сяду! – закричал Сумароков. – Это самоубийство! Челнок и так мотает из стороны в сторону. Мы при посадке разобьемся!

– Ты что, не видишь, кретин?! – взорвался Делакорнов. – Если мы сейчас не сядем – им конец! Они же из последних сил держатся.

– Им так и так конец! А если не сядем, хотя бы мы в живых останемся.

– Коля, – Байрам положил руку на плечо пилота, – я тебя очень прошу, попробуй посадить челнок. Мы должны сделать все, что в наших силах.

– Вы не понимаете! – Сумароков покраснел от страха и негодования. – Я не смогу его посадить. Просто не смогу. Это не в моих силах.

– Я тебе помогу, – сказал Новицкий, вынимая из кобуры древний пулевой пистолет и приставляя его к голове Николая. – Только спокойнее, без нервов. Мы должны сесть... Не думай о том, что уцелеешь, если уведешь челнок. Я сразу пристрелю тебя. Потому что без тех, кто внизу, нам не вернуться на корабль. Не вернуться домой. Не выжить. К тому же здесь я оставаться не собираюсь!

Внизу заметили челнок и замахали руками, радуясь тому, что появилась хоть какая-то надежда на спасение.

– О боже! – Сумароков затравленно обернулся. – Да отойдите вы от меня... Я все сделаю!

– Вот и хорошо, – кивнул Антон и бухнулся в кресло второго пилота. Новицкий опустился в кресло позади Сумарокова, не убирая пистолет от его головы. Поскольку все кресла в кабине теперь были заняты, Байраму Камалю пришлось сесть прямо на пол. Как раз вовремя. Челнок опасно накренился и врезался в землю, придавив несколько хвостатых тварей. Удар был такой силы, что в креплении кресла под Антоном выбило шурупы. Оно накренилось, Делакорнов вцепился в подлокотники, но, к счастью, кресло выдержало. Больше всех досталось разведчику: Байрам Камаль покатился по полу и ударился о стену.

– Сели! – Новицкий спрятал пистолет и улыбнулся Сумарокову. – Молодец, Коля. А говорил, не сядем!

– Зато теперь мы не взлетим! – выкрикнул Сумароков. – А все вы, эх, не надо было...

– Как не взлетим? Взлетим, конечно! – штурман похлопал себя по кобуре.

Сумароков посмотрел на него с ненавистью и выдавил сквозь зубы:

– Еще посчитаемся!

– Ты что, на меня обиделся? – Новицкий выглядел удивленным. – Я же только хотел помочь принять правильное решение. Думаешь, мне умирать хочется? Нет... Я жить еще больше твоего хочу. Только я умнее. – Штурман еще немного подумал и добавил: – Умнее вас всех...

– Люк! – крикнул Антон. – Надо его открыть!

На экране монитора люди бежали к челноку. Правда, корабль приземлился довольно далеко от них. Капитан Зотов и несколько астронавигаторов прикрывали отход, безостановочно строча из лучевых автоматов.

Делакорнов бросился к люку. Набрал код, повернул колесо замка. Все это заняло у него не больше десяти секунд.

– Что это за тварь?! – крикнул Сумароков.

Новицкий припал к монитору.

Два угловатых зверя тащили на спинах какое-то странное существо, похожее на овальный кусок стекла. Даже в плохом разрешении бортового монитора отлично было видно, как сверкает его шкура.

– Зотов – молодец! – сказал Новицкий. – Так ему!

– Что там? – держа на изготовку лазерный автомат, Антон распахнул люк и выплянул наружу. В первое мгновение его ослепил свет, исходящий от странного существа. Потом он увидел, что Зотов целится в хищника из фотонного излучателя. Наверное, капитан берег излучатель на крайний случай. И вот он наступил. Зотов собирался выстрелить по твари из излучателя и скрыться в спасательном челноке. Делакорнова вдруг прошиб холодный пот. Какое-то внутреннее чувство говорило ему, что этого делать нельзя ни в коем случае. Ведь это – зеркальник!

– Не-е-ет! – закричал Антон, но капитан уже спустил курок. – Не стреляйте!

Сгусток излучения метнулся к диковинной твари и отразился от нее, как солнечный луч от зеркала. Облако протонной плазмы поглотило и вмиг испепелило капитана, а заодно и всех, кто находились рядом. Фотонный излучатель – мощное оружие...

Даже отсюда Антон слышал, как кричала Инна. Ее отправили к челноку раньше всех, и она успела убежать далеко от прикрывавшего отход капитана.

Антон увидел, что слева несутся, стараясь отрезать людей от корабля, длиннохвостые твари с кинжальными зубами. Решение пришло мгновенно. Он почти скатился с трапа, припал на колени и, вскинув лазерный автомат, открыл огонь по хищникам. Ему удалось задержать их ровно настолько, чтобы люди успели добежать до челнока. Кияшов оказался у трапа первым, развернулся и заорал на остальных:

– Живее загружайтесь!

Он встал рядом с Антоном, прижимая винтовку к плечу. Делакорнов понял, что теперь, когда Зотов погиб, старпом стал главным, а значит, должен проявлять заботу об остальных.

– Я... я тоже, – задыхаясь, Химель поднял автомат, дуло ходило из стороны в сторону.

– Полезайте в челнок, чертов доктор! – накинулся на него раздраженный Кияшов. – И побыстрее!

– Хорошо, хорошо, – кивнул Михаил Соломонович и взбежал по трапу.

– Когда эту проклятую планету внесут в межгалактический справочник, – проговорил Кияшов, – я лично прослежу за тем, чтобы ей поставили красный статус – для разумной жизни и колонизации непригодна. В идеале, – он спустил курок, еще один хвостатый вскинул лапки и рухнул, – сбросить сюда сотню-другую термоядерных зарядов. Самое то для этой распроклятой планетки...

Глава 2

Космический челнок, скрипя приводами и чихая дюзами, полз над густой растительностью инопланетных джунглей. В это невозможно было поверить, и все же надежный, как российский рубль, ионный двигатель производства Санкт-Петербургского авиакосмического завода барахлил. Впрочем, его ресурс явно не предусматривал подобных нагрузок. Двигателю изрядно досталось от нападения инопланетных тварей, экстренных режимов взлета и посадки, да и агрессивная кислотная среда в верхних слоях атмосферы Заповедника не прошла для челнока даром.

Коля Сумароков, занявший место первого пилота, выглядел подавленным. На замечания со стороны он реагировал вяло, только бормотал себе под нос:

– Мы не сможем подняться на орбиту! Не сможем улететь далеко! Нам отсюда не выбраться! Сто, двести километров – и мы рухнем... Надо садиться! Садиться!

Ян Новицкий время от времени взбадривал пилота, тыкая его в спину стволом лучевого автомата. Пистолет Новицкий отложил, как менее надежное и эффективное оружие. Изошренное издевательство доставляло на удивление бодрому, веселому штурману явное удовольствие.

– Колянчик, гляди веселее! Мы же живые пока, так или не так?!

– Так, – вздрагивал от очередного тычка Сумароков и снова бормотал: – Но ненадолго! Ненадолго! Садиться надо... Или я просто не знаю, чем все это может закончиться...

– И я не знаю, – сумрачно изрек Кияшов, вглядываясь через иллюминатор в переплетение зеленой листвы и толстых лиан. Порой по джунглям пробегала быстрая рябь – какие-то крупные существа перемещались там, внизу, под брюхом челнока. То ли преследовали плывущий в небе объект, то ли охотились на более мелких тварей. Присутствие внизу хищников и бесконечная даль опасных джунглей подавляли.

От экипажа корабля «Семаргл», насчитывавшего на старте сто семьдесят мужчин и десять женщин, уцелело всего восемь человек. Если, конечно, считать тех, кто добрался до челнока. Вероятность того, что остался в живых кто-то из потерявшихся на планете или сумевших покинуть «Семаргл», была крайне низкой.

Спасти удалось Николаю Сумарокову, Яну Новицкому, Инне Лазуренко, Антону Делакорнову, старшему Кияшову, разведчику Байраму Камалю, Кириллу Яловеге («Два механика – это уже неплохо!») – обрадовался Евграф Кондратьевич) и доктору Химелю. Правда, он потерял сознание, когда у самого трапа на него спикировал с неба сфицерапс. Летящую гадину прежде, чем она успела схватить доктора, точным выстрелом сбил штурман. Затем Ян Новицкий погладил приклад лазерного автомата и оскалился, как делал всегда, если случалось что-то, казавшееся ему забавным. По странному стечению обстоятельств, то, что казалось забавным штурману, для всех остальных было сопряжено с неприятностями и даже угрозой для жизни.

– Всегда мечтал сотворить что-нибудь эдакое! – сообщил Новицкий. – Знал бы, ха-ха-ха, что это Химель, дважды подумал бы, прежде чем стрелять.

Штурман смеялся так противно, что оставшиеся в живых члены экипажа одарили его полными ненависти взглядами – хорошо ему было отсиживаться за плотной обшивкой челнока, пока они рисковали жизнью!

– Надо садиться прямо сейчас, иначе все... иначе смерть! – не успокаивался Сумароков.

– Да куда тут садиться? – хмуро поинтересовался Кияшов. – Сиделись уже, хватит... Там внизу только и ждут, что мы сядем. Давай-ка не раскисай, парень. Место надо выбрать с умом. От джунглей этих паршивых подальше... Чтобы обзор хороший был и чтобы сами мы были, как вошь на лысине, – то есть с неба хорошо заметные.

– Зачем нам быть заметными с неба? – удивился Яловега.

– Ну как зачем? – Кияшов посмотрел на старшего механика с нескрываемым сочувствием, так смотрит на неисправимого кретина доктор-клонофизиолог.⁵ – А как иначе нас обнаружит спасательный корабль?!

– В джунглях проще найти еду, – подала голос Инна Лазуренко. – А в пустынных местах отсутствует пропитание для белковых форм жизни. Мы – тоже белковая форма жизни.

– Удивила! – проворчал Яловега. – Ясное дело – белковая. Еда – это самое важное. – Глаза старшего механика блеснули прямо-таки по-волчьи. – А есть уже охо-о-ота. Я бы сейчас собственную ногу съел. А лучше – чужую. Только, сдастся мне, в этих джунглях мы сами станем едой. Что, кто-то еще этого не понял?

– Понял! Я все понял, – заскулил Сумароков. – А вот вы ничего не хотите понять! Если бы не вы, челнок можно было поднять на орбиту! Наш корабль цел! Мы могли бы вернуться домой! А теперь – не можем! И как нам быть? Ну как?!

– Хотя звездолет и не взорвался, улететь на нем мы никуда не сможем, – объявил Кияшов. – Для самых тупых объясняю: цел и не взорвался – совсем не одно и то же.

– Мы же можем туда вернуться, – промычал Сумароков. – Там есть еда! Вода! И нет этих тварей!

– Одни идиоты на борту. – Евграф Кондратьевич покачал головой, словно удивлялся – и как он раньше не заметил столь очевидной вещи: – И куда только капитан смотрел, когда набирал вас в команду?

– Почему нам нельзя вернуться? Почему?

– Коля, ты перенес сильный стресс, – заметил Байрам Камаль, – послушай, что я скажу. Хотя планетарные двигатели остались целы, корабль, скорее всего, выгорел изнутри полностью... Вон дым как валил, когда мы улетали! На орбиту возвращаться опасно. Да и кислородная установка челнока не работает... Туда и обратно слетать нам не хватит воздуха, даже если бы энергетический ресурс не был выработан. Но в одном я с тобой согласен. – Он повернулся к остальным. – Пора прекращать кружить над планетой. Предлагаю, как и сказал Евграф Кондратьич, сесть в приметном месте и попробовать там закрепиться. Если продержимся некоторое время, может, нас успеют найти...

– Лет через тридцать нас найдут, в самом лучшем случае! – фыркнул Антон. – Когда радиосигнал SOS с «Семаргла» дойдет до какой-нибудь обитаемой станции. А с этой станции пошлют сообщение на Землю. Там примут решение, какой спасательный корабль высылать на наши поиски... И стоит ли его вообще высылать...

– Не дрейфь! Поохотимся пока на этих тварей! – хмыкнул Новицкий, поглаживая приклад автомата. – Эх, и повеселимся! Да их и есть, наверное, можно. Я бы не отказался от пары кусков жареного инопланетного мяса. Гы...

Кияшов кинул на него такой красноречивый взгляд, что всем стало ясно – представься такая возможность, и старпом удавил бы чересчур оптимистичного штурмана. Чтобы как-то отвлечься от навязчивых мыслей об убийстве Новицкого, Евграф Кондратьевич шумно выдохнул и поинтересовался:

– Как там Химель?

Инна, которую определили присматривать за доктором, сообщила:

– Мне кажется, отходит потихоньку.

– Отходит? – заинтересовался Яловега. – Может, вышвырнем его тогда за борт? Никого из погибших все равно хоронить не стали... Да и нашему доктору почести, кажется, ни к чему. Он при жизни всегда скромный был...

⁵ Клонофизиология – медицинская наука, занимающаяся выявлением кретинизма у клонов на ранних эмбриональных стадиях, а также лечением взрослых клонов, которые по какой-либо причине получились неудачными.

Михаил Соломонович протестующе забулькал, но Яловегу это ничуть не смутило. Он направился к доктору с непонятными намерениями – то ли действительно собирался выбросить его за борт, то ли хотел удостовериться в том, что Химель уже не жилец.

– Я не то имела в виду, – сконфузилась Инна, – Михаилу Соломоновичу чуть лучше. Просто он, когда падал, ударился головой о ступеньки трапа. Но скоро уже, наверное, будет на ногах.

Доктор попытался подняться, перепуганный перспективой оказаться за бортом, но девушка мягко уложила его обратно.

– Видите, он меня хорошо понимает.

– Тогда ладно. Ищите взаимопонимание дальше! Повезло же Химелю, – осклабился старший механик. – И живой, и такая девушка рядом! А некоторыми сейчас, между прочим, дикие звери закусывают... Кстати, Инна, ты всегда работала биологом?

– На микробиологическом заочно училась... – потупилась девушка. – Но вообще-то до этого я пять лет работала в модельном агентстве. С четырнадцати лет. Неужели вы не слышали? Два года назад я получала титул «вице-мисс Селена»...

– Это типа заместительница королевы конкурса красоты на Луне? – хмыкнул Новицкий.

– Не заместительница, а занявшая второе место. Между прочим, «Мисс Селена» – очень престижный конкурс... Четвертый в рейтинге. На первом – «Мисс Венера», на втором – «Мисс Гея», на третьем – «Королева Галактики».

– Что еще за мисс Гея? – подозрительно поинтересовался Новицкий. – Это конкурс для мужиков лохматых, что ли, неправильно ориентированных?

– Гея по-гречески – Земля, – пояснил Байрам. – До чего же ты невыносимый человек, Новицкий!

– Так уж и невыносимый... – огрызнулся штурман. – На себя посмотри!

– Что же ты тогда оставила это дело? С начальством не поладила? – поинтересовался Кияшов.

Приятно было вспомнить о родине, о таких милых и простых вещах, как конкурсы красоты. Пожалуй, никому из них не увидать теперь подобный конкурс, даже по стерео. А уж Инне об участии в конкурсах точно придется забыть. На несколько лет. Ее красота явно не для местных жителей.

– Не совсем... – после короткой паузы отозвалась девушка. – Захотелось заняться чем-то на самом деле интересным. Реализовать себя. Что толку, когда получаешь деньги только за красивые глазки?

– Положим, совсем не за глазки, – фыркнул Яловега. – Кто там смотрит на ваши глазки...

– Вот и я о том же, – нахмурилась Инна. – Да и вообще – как вы можете говорить о таких вещах, когда наших друзей сейчас доедают здешние чудовища?

– Никого они не едят, – возразил Делакорнов. – Вы что, не заметили? Они никого не сожрали!

– То есть как это не сожрали? – не поверила своим ушам Инна. – Этому молодому механику руку откусили прямо у меня на глазах... Да и многих буквально на куски разорвали! Я же все видела...

– Кто-нибудь видел, чтобы они эти куски глотали? – спросил Антон. – Этот, которого Цибуля за лошадь принял... Он же вовсе не собирался его есть, просто руку ему перекусил.

– Ой! – Инна замахала на Делакорнова руками, лицо ее заметно побледнело. – Пожалуйста, не надо такие страсти рассказывать. Давайте хоть сейчас об этом забудем... Хоть на минуточку.

– А что толку? – пожал плечами Кияшов.

– Нет, детально надо все разобрать, – заметил Яловега. – Та лошадь что же, ручку выплюнула, да?

– Не то чтобы выплюнула. Просто на землю уронила, – ответил Делакорнов. – И вцепилась Цибуле в горло. Я хоть и в стороне стоял, но видел.

– Да эта тварь просто не успела ее слопать! – возразил Кияшов. – И все! Если бы я не начал стрелять, она бы не только его, она бы нас всех пожрала! Одного за другим. Видали, как у нее глаза горели? Ух и зверюга!

– Чтобы они кого-то ели, я лично тоже не видел, – задумчиво отозвался Байрам Камаль. – Что, вообще говоря, очень странно.

– Вы еще скажите, что эти твари – вегетарианцы, – фыркнул Яловега. – С такими-то зубищами...

– Как я успела заметить, зубы у них как раз подходят для питания растительностью, – заметила Инна. – У большинства... Хотя у некоторых такое строение челюстей, какое бывает характерно и для всеядных форм...

– Заочный биофак... – процедил Новицкий. – Ты бы лучше на подиуме выступала... Что ты понимаешь в челюстном строении хищных животных?

– У меня вот тоже строение челюстей характерное для всеядных форм, – поделился Яловега, – и от мяса я бы не отказался!

Доктор Химель просипел что-то и даже помахал рукой, явно поддерживая мнение девушки. Как-никак, Михаилу Соломоновичу в свое время пришлось основательно штудировать биологию, так что в вопросах строения челюстей у хищников и травоядных животных он отлично разобрался.

– Что они на нас тогда взъелись так, если не собирались сожрать? – Кияшов почесал в затылке. – Странно все это. Мне вот кажется, что охотиться могут только хищники. Или я ошибаюсь?

– Еще и разумные существа, – усмехнулся Байрам. – Ради удовольствия...

– Они проявляли признаки разумности, – сообщила Инна. – По крайней мере действовали организованно...

– Хищники тоже охотятся стаей и загоняют дичь, – возразил Байрам Камаль, – но разумными их не назовешь. Они подчиняются инстинктам.

– Смотрите, смотрите, дом! – закричал Сумароков. – Настоящий дом!

Коля подпрыгивал в кресле и тыкал пальцем в центральный иллюминатор, совсем забыв об управлении челноком. Словно почувствовав, что внимание пилота ослабло, корабль медленно стал заваливаться на бок.

– Руль держи, сволочь! – Яловега ткнул Сумарокова в спину. Коля вцепился в рычаги управления и выровнял летательный аппарат.

– Какой же это дом? – спросил Кияшов. – На дом не похоже. Больше на пирамиду египетскую. Хотя откуда тут может взяться пирамида?

– Пирамида – это не дом, а усыпальница! – наставительно напомнила Инна.

– На Земле – усыпальница, а тут, может, такая архитектура, – предположил Яловега.

– Давай-ка, Николай, лети к этой усыпальнице или к дому... Какая, по большому счету, разница? Сядем там и осмотримся, – сказал Байрам Камаль.

– Что это ты раскомандовался тут? – Кияшов смерил офицера дальней разведки сердитым взглядом. – Здесь теперь я главный! Кто в этой пирамиде живет – неясно. Может, гады какие-нибудь, еще почище тех, от которых мы убегаем... Улетаем... Спасаемся, одним словом... А может, что-нибудь настолько скверное, что нам лучше и не знать.

– Все равно не мешает осмотреться, – примирительно заметил Байрам Камаль, – это же первое строение, возведенное разумными существами, которое нам удалось встретить здесь. Возможно, база инопланетян. Или какой-нибудь наблюдательный пункт за местной флорой и фауной. Геодезическая станция...

– А, ладно, – махнул рукой Кияшов, – садимся. Все лучше, чем с неба в джунгли грохнуться. Так ведь?

Сумароков радостно затряс головой:

– Садимся! Конечно, садимся.

– Не отвлекайся, Колюня. – Новицкий снова ткнул пилота стволом автомата. – Вот сядем на Землю, тогда будешь отплясывать!

Странное сооружение приближалось. Скоро стало отчетливо видно, что габариты пирамиды весьма внушительны. Сложенная из красного камня постройка имела три грани. На несколько километров вокруг пирамиды расстился желтый песок пустыни, так что происхождение камней оставалось неясным. Признаков жизни вблизи не наблюдалось. Никаких вспомогательных построек, коммуникационных линий и обозначенного периметра с оборонительными сооружениями, какие обычно возводятся дальней разведкой землян на чужих планетах.

– М-да, выглядит впечатляюще... – заметил Байрам Камаль. – Теперь-то я точно могу сказать, что такую штуку могли построить только разумные существа. К тому же джунглей вокруг нет. Площадка вполне приметна из космоса. Садиться нужно здесь. Да, кстати, Евграф Кондратьевич, хочу напомнить, что уж я-то вам точно не подчиняюсь, поскольку представляю инспекционный орган.

– Это ты на корабле был органом, – отозвался Кияшов и хмыкнул: – Известно каким. А здесь ты – такой же, как все. Устав читай, орган! Мало вас в дальней разведке уставы учить заставляют. Захочу – даже расстрелять тебя имею право, как бунтовщика и подстрекателя к бунту. Я сейчас верховная власть на этой планете!

– Круто! – фыркнул Делакорнов.

– Вот тебе и «круто»! – Кияшов смерил его сердитым взглядом. – Ты, между прочим, чего расселся тут?!

– А что?

– Да то, давай готовься к посадке.

– Как готовиться? – удивился Антон.

– Пойди, что ли, двигатель проверь! Как он там? Выдержит или нет?!

– Какой же в этом смысл?..

– Не рассуждать! – рявкнул Кияшов. – Выполнять быстро и качественно, когда я приказываю!

Антон пожал плечами, поднялся с пола и потащился проверять двигатель. Неожиданное проявление самодурства со стороны старшего помощника вызвало у него раздражение, но перечить Кияшову не хотелось. Еще объявит, что он тоже подстрекает экипаж к бунту. Характер Евграфа Кондратьевича никогда не отличался терпимостью. Скорее даже наоборот. Лучше с ним было не спорить – возникала вероятность нажать себе в лицо старшего помощника настоящего врага. Подчиненных, которые имели наглость ему возражать, Кияшов относил к числу тех, кого полезно «поучить». И «учеба» эта была, как правило, не очень приятной.

– Так что, друзья мои, все вы в моей власти, и я настоятельно рекомендую вам... – тут старший помощник осекся, увидев, что Байрам демонстративно положил руку на портативный излучатель.

Сыграть в ковбойскую игру «Кто скорее выхватит „кольт“ у Кияшова желания не возникло. Он демонстративно отвернулся и приказал Сумарокову:

– Садись возле пирамиды. Надо будет – опять взлетим.

– Нет! Нет! – запричитал Коля. – Да как вы не понимаете!

– Что нет?! – строго переспросил старпом. – Ты что, пирамиды испугался? Сажать челнок не хочешь? Что-то у тебя желания меняются слишком часто...

– Колянч, не дергайся! – хмыкнул Новицкий и в очередной раз ткнул Сумарокова под ребра стволом лазерного автомата. Сумароков взвизгнул:

– Взлетать больше не сможем! Челнок не выдержит! Я не выдержу! Я с ума сойду!

– Не беспокойся раньше времени. Может, и не придется взлетать, – заметил Байрам. – Осмотримся – и все станет ясно.

Он припал к боковому иллюминатору. Никаких монстров вокруг пирамиды не наблюдалось. Разве что они прятались внутри, чтобы в тот самый момент, когда челнок приземлится, ринуться в атаку. Да нет, просто не может такого быть, чтобы неразумные, хищные твари находились внутри этой гладкой, высокой постройки. Скорее она походит на архитектурный изыск разумных существ. Может, даже усыпальницу. Лучше места для посадки на этой враждебной планете им не найти. При необходимости здесь можно будет довольно долго удерживать оборону. Подходы к странному инопланетному сооружению просматривались отлично. Пустыня – это не джунгли, где за каждым кустом, за каждым стволом, в любой заросшей травой расщелине может скрываться враг.

– Любопытная штука... – проговорил Байрам Камаль, – ох и любопытная! Сдается мне, нас здесь ждут сюрпризы.

Доктор Химель тоже заинтересовался пирамидой, поднялся, придерживаясь за стену, подошел к иллюминатору и выглянул наружу. Вид у него оставался болезненным.

– Кто мог ее построить? – пробормотал Михаил Соломонович. – Действительно, внеземные разумные формы жизни, как вы говорили? Палеонавты? Нет, земляне тут ни при чем. Мне почему-то кажется, что мы находимся на пороге великого открытия... – Тут Химелю стало хуже, он посерел лицом и опустился на пол. – Фуф. – Доктор стер со лба пот. – Если нам удастся разгадать хотя бы некоторые загадки этой планеты, недалеко и до получения премии Ланцера—Гликштейна.

– Убраться бы отсюда к чертовой матери, и не нужно мне никаких премий, – заявил Яловега. – К чертям собачьим всех этих ланцеров—эйнштейнов... Может быть, там, внутри, отыщется какая-нибудь еда? Как вы думаете?

– Что за чушь ты несешь! – поморщился Байрам Камаль. – Откуда там взяться еде? Тем более пригодной для человека?

– Может, там у инопланетян аварийный склад. Или что-нибудь такое... – с надеждой выдавил Яловега, хотя уже понял, что сморозил чепуху.

– Тогда вы и есть те самые припасы, которые движутся на склад своим ходом! – сообщил старшему механику космический разведчик и усмехнулся.

– Дурацкая шутка! – обиделся Яловега.

Вернулся Антон Делакорнов и объявил:

– Двигатель сбоит! С минуты на минуту откажет!

– Так почему ты ничего не сделал?! – накинулся на него Кияшов. – Почему не починил?!

– Невозможно что-нибудь чинить, когда двигатель работает! – возмутился Антон. – Неужели вы этого не знаете? У вас что, нет собственного электромобиля?

– Да, и правда... – призадумался старший помощник. – Действительно. Тогда ладно... Но когда сядем, займешься починкой. – Он ткнул в Антона указательным пальцем: – И чтобы никаких мне возражений! Больно ты разговорчивый в последнее время, как я погляжу.

– Почему я? – возмутился Делакорнов. – Здесь, между прочим, старший механик присутствует, он в конструкции двигателя куда лучше меня разбирается.

– Вот вместе и будете копать! – заключил Кияшов.

– Если... конечно, сядем, – скривился Яловега. – Тогда и покопаемся... А с другой стороны – зачем копать, если мы дальше никуда не полетим? Только время зря тратить. А время, как известно, – деньги...

– Тогда мы отправим тебя рыть шахту! – прорычал Кияшов. – Не хочешь механиком быть – будешь шахтером! Все одно – чумазым ходить с ног до головы..

– Зачем шахту-то рыть? Я что-то не понял! – удивился Яловега.

– Затем, что бура у нас нет. А вдруг тут в глубинах что интересное имеется? Да и монстрам под землей сложнее достать тебя будет. Если тут только не водятся хищные червяки. Сам же говоришь: время – деньги. Ты будешь деньги зарабатывать, а мы – пытаться спастись. Разделение труда. Теперь понял?

– Я, наверное, лучше двигателем займусь, – немного подумав, сказал Яловега. – Мало ли что... Может, нам понадобится срочно взлетать.

Сумароков вздохнул, кинул на непонятливого старшего механика полный тоски взгляд и двинул вперед главный рычаг управления. Челнок задрожал, закачался из стороны в сторону и медленно поплыл вниз. В последний момент из левой задней дюзы исторгся сноп ярко-красного пламени, осветивший отсек зловещим багровым светом, и челнок, накренившись набок, грузно осел в песок. Коля в изнеможении отвалился от рычага управления.

– И зачем я нанялся на этот корабль? – запричитал он. – Я так и знал, что добром этот полет не закончится. Мне мама говорила: «Не ходи в пилоты дальних рейсов, не ходи в пилоты...»

– А ты не женат? – вдруг заинтересовался Яловега.

– Нет, – всхлипнул Коля.

– Детей нет?

– Не... нет.

– Да какие там дети? – фыркнул Кияшов. – Ты что, не видишь? Совсем пацан еще зеленый! Жданов бы сейчас не скулил. Кремень человек был. Жаль, прививка Химелева на него не подействовала. Какого-то он подозрительно зеленого цвета был, когда я его в последний раз видел. Ну и неживой, конечно, совсем.

Ян Новицкий засмеялся:

– А какого он еще цвета может быть, если неживой? Зеленый, конечно. Или синий...

– Я к чему про жену и детей спрашивал-то... Пусть Сумароков выбирается на разведку, – заявил Яловега. – Меня дома трое спиногрызов дожидаются, а его и пожалеть некому будет, если с ним что-нибудь нехорошее случится! Семьи у него нету...

– Нет! – в ужасе выкрикнул Сумароков. – Я не пойду! У меня есть семья! Мама и папа!

– Это не в счет, – заявил Яловега.

– Да ладно упираться, пацан, все равно тебе крышка, – поддержал старшего механика Новицкий.

– По...почему мне крышка? Почему вы так говорите?

– Такой хлюпик, как ты, долго на этой планете не протянет. Хищники – они ведь страхуют на расстоянии... Что на Земле, что на других планетах. Вот тебя и сожрут самым первым. А ты как думал?

Коля взвизгнул и метнулся в угол. Яловега наступал на него, сжав кулаки:

– Полезай наружу, тебе говорят! Давай по-хорошему лезь, а не то...

– Что это за дикость такая, Кирилл Янушевич? – возмутился Антон. – Почему это вы решаете, кто пойдет, а кто останется?!

– А ты вообще заткнись. Ты – мой подчиненный. Для дела, может, пригодишься – двигатель чинить, когда все наружу вылезут. Так что сиди потихоньку, не вякай. Тоже, между прочим, холостой, свободный от обязательств... Можно и тебя, кстати, того... на разведку определить.

– Это я на корабле был вашим подчиненным, – воспротивился Антон, ситуация нравилась ему все меньше и меньше. – А здесь у нас один начальник – Евграф Кондратьевич.

Старший помощник важно кивнул, довольный тем, что Делакорнов признал его старшинство. Про себя он решил, что преподнесенный недавно урок пошел парню на пользу.

– В такой ситуации командира надо выбирать голосованием, – проворчал Яловега.

– Самозванцев нам не надо, командир я! – отрезал Кияшов. – У тебя что, сомнения есть насчет моей кандидатуры?

– Я что, Евграф Кондратьевич... – подобострастно заглядывая в глаза старпому, залезил Яловега... – Я разве что-нибудь против говорю, но должен же кто-то на разведку идти? Не нам же с вами, в самом деле, наружу сейчас вылезать? Мы – люди семейные, сложившиеся. Нас дети на Земле, между прочим, ждут. А? Так ведь? Согласны вы со мной?

– Я пойду! – неожиданно заявил Делакорнов.

– Молодец, герой! – оскалился Новицкий. – Я бы тоже с тобой пошел, но уж больно не хочется тебе твой подвиг портить. На двоих – ведь это уже не подвиг, а ерундовина какая-то выходит. А так войдешь в историю. Может, тебе на этой планете даже памятник потом поставят. Как первопроходцу.

Антон посмотрел на штурмана исподлобья.

– Во-во, умрет героем, – поддержал штурмана Яловега.

Коля Сумароков, опасаясь, что Делакорнов передумает, кинулся к люку и принялся поспешно его распечатывать, приговаривая:

– Я сейчас все подготовлю к выходу. Сейчас все сделаю...

С задачей он справился в самые рекордные сроки. Уж очень ему не хотелось становиться тем самым героем, которого съедят первым...

Антон вздохнул и спрыгнул на скрипучий, красноватый, словно пропитанный кровью, песок. Около пирамиды пахло свежей зеленью. Прохладный воздух пьянил. Делакорнов огляделся вокруг. Тишина. Мягкий ветерок овеивает лицо. Никакой очевидной опасности. Словно все живое на планете уснуло. Или те существа, что преследовали их в бесконечных джунглях, решили обратить свой взгляд на более доступную добычу?

– Ну и сидите там, – проворчал Антон. – А я погуляю.

– Погуляй, погуляй... – медовым голоском напутствовал его Яловега. – А мы посмотрим, как ты гулять будешь. Может, что интересное увидим. Хе-хе.

Антон почувствовал раздражение, сплюнул в песок и пошел от челнока не оглядываясь. Уже пройдя метров двести, он вспомнил, что сгоряча не взял никакого оружия. Впрочем, зачем оно ему? Ведь не помогло самое новое мощное вооружение Зотову и всем остальным? Пустыня таила в себе другие опасности. Совсем не те, что поджидали людей в джунглях. Антон попытался вспомнить какие. И сам удивился тому, что хочет именно *вспомнить*, а не *предположить*, что именно может его здесь ожидать. Откуда ему было что-либо знать об этой пустыне? Откуда взялись воспоминания об опасностях на неведомой планете, находящейся в отдаленном космосе, в десятках световых лет от Земли?

Вот ведь странная штука. Чем больше он вспоминал, тем больше убеждался в мысли, что это место ему знакомо, что он неоднократно бывал здесь, проходил по красноватому песку, огибал грань пирамиды и спускался в ее прохладные, темные недра...

Строение чужой цивилизации возвышалось над пустыней. Наверное, эта пирамида все же поменьше пирамид Долины Царей. Хотя в Египте Антон никогда не был, но он неоднократно совершал экскурсии в эту древнюю страну в стереоварианте – и все равно размеры пирамиды казались очень внушительными. Рядом с нею спасательный челнок выглядел крохотным.

Почему-то сразу приближаться к монументальному сооружению вплотную не хотелось. Отойдя от челнока метров на пятьсот, под гранью пирамиды, которая находилась с противоположной от челнока стороны, Антон наконец увидел то, что хотел, – уводящий вниз черный зев входа в подземелье. Именно там, где он и ожидал его обнаружить.

И сразу же его словно обожгло откровение: всем уцелевшим членам экипажа нужно немедленно спуститься туда, под землю. Прочь от челнока, уходите из пустыни... Спасение там. Под землей им не страшны никакие хищники. Ни ползающие, ни бегающие, ни летающие. Подземелье не таит ничего ужасного, ничего, что представляло бы опасность для людей. Более того – это укрытие сулит им покой.

Хранты – не такие уж страшные звери. В пустыне людей ждет нечто на самом деле ужасное. То, от чего нет спасения. Недаром же здесь, во влажном тропическом климате, существует этот песчаный пяточок, который не смогли поглотить джунгли? Антон знал, что разгадка тайны страшна. Но сколько ни пытался, не мог ее припомнить.

Как глупо! А он даже не взял с собой переговорное устройство! Впрочем, будут ли такие устройства работать в атмосфере и магнитных полях этой планеты? Нет ли здесь других источников излучения на частотах, используемых передатчиками рудознатцев?

Солнце садилось, и Антон почти точно знал, что ничего хорошего ночь, проведенная в этой местности вне пирамиды, им не предвещает. Ведь в темноте могут появиться *они* ... Он не знал, откуда пришла эта мысль, чего, собственно, он боится... Он просто обладал знанием о грядущей опасности. И хотел поделиться им с остальными.

Ноги увязали в песке, Делакорнов оступался и падал, но спешил изо всех сил. Ему нужно предупредить остальных. И спуститься под землю вместе с ними. А как бы хотелось ему сейчас самому юркнуть в спасительную прохладу, туда, где текут подземные ручейки и приятно пахнет мхом... Антон даже представил себе вкус воды в этих ручьях – хотя кто мог бы поручиться, что эти ручьи там есть?

– Скорее, – крикнул Антон, подбежав к челноку, – мы должны укрыться внизу. Там вход под пирамиду!

– Э, нет, – ответил Кияшов, оглядываясь кругом, – ты туда даже не заглянул. Зайди сначала, проверь, что там... А потом уже и мы подтянемся.

Остальные молчали, соглашаясь со старшим помощником.

– Как вы не понимаете?! – Лицо Делакорнова перекошилось. – Здесь намного опаснее, чем в джунглях. Они могут появиться в любой момент!

– Кто это они? – с подозрением спросил Яловега.

– Не знаю! Но я чувствую – наверху опасно!

– Чувствительный какой, – поморщился Кияшов. – Ты чего так раскричался-то? Не нравится мне что-то твое лицо. У тебя не нервный срыв, часом?

– Эге, а парень-то струхнул, – усмехнулся Новицкий, – пошел вокруг пирамидки и испугался, не хочет внутрь один лезть. Хочет нас всех вместе с собой на дно утянуть. Дело ясное.

– Делакорнов, – строго проговорил Кияшов, – хватит валять дурака! Быстро полезай в пирамиду, узнай, что там, а потом нам сообщишь! Мы за тобой наблюдаем отсюда. Ты сам вызвался? Вызвался. Так что иди. Отсидеться в челноке тебе теперь не удастся!

Антон обернулся, с тоской думая, что у него ничего не выходит. Его желание помочь всем спастись вдруг резко отхлынуло. Чувство больше всего напоминало холодный душ, и Делакорнов вдруг испугался. Таких сильных перемен настроения ему не приходилось ощущать даже во время приема амфетаминов. Он попросил, поглядев на столпившихся у люка людей:

– Дайте оружие.

– Ну вот, совсем другой разговор, – хмыкнул Новицкий и швырнул ему лазерный автомат. Немного недокинул, и автомат упал в песок. – С автоматом тебе спокойнее будет?

Антон подобрал оружие и повесил его на шею.

– Поторопись, – сказал Кияшов, – а то солнце уже садится. Время не ждет.

– Время – деньги, – поддакнул Яловега.

Делакорнов кивнул и отправился обратно, к входу в пирамиду. Чем ближе он подходил, тем сильнее его захлестывало отчаяние, что он не смог убедить остальных спуститься под

землю вместе с ним. Почему-то сейчас он был убежден, что людей в челноке в ближайшее время постигнет страшная участь, что, когда он вернется, ни один из них не останется в живых. Это знание заставило его сердце биться учащенно.

«А все их самонадеянность! – думал Делакорнов. – И с чего они решили, что я испугался? Я только хотел помочь им выжить. Хотел их спасти».

Антон застыл перед входом, поводя стволом автомата. Он испытывал сейчас двойственное чувство. С одной стороны, его охватило страстное желание немедленно броситься вниз, чтобы ощутить прохладу, которую он уже когда-то чувствовал, с другой стороны, разум подсказывал Антону, что соваться вниз – сущее безумие, ведь совершенно неясно, что его там ожидает.

«Может, я схожу с ума? – подумал Антон. – Почему мне все время кажется, что я здесь уже был?»

Он тряхнул головой, сбрасывая наваждение, и уже хотел вернуться к челноку, чтобы еще раз попытаться убедить остальных, что нужно пойти вместе с ним, но вокруг неожиданно потемнело. словно туча закрыла садящееся в пески солнце. Делакорнов вскинул голову и увидел, что в небе происходит нечто очень и очень странное. И только в следующее мгновение он понял, что *это* такое. Густое облако – сбившиеся в единое целое сфидерасы – опускались на челнок пеленой крошечного мрака. Люди вовремя заметили приближение монстров и скрылись внутри, люк захлопнулся.

«Вот и все, – понял Антон, – теперь другого выбора у меня нет. Только спуститься под пирамиду».

В это мгновение из песка выдвинулись огромные черные клешни. Челнок оказался точно между ними. Клешни щелкнули и нанесли первый удар по корпусу. Корабль пошатнулся, но удержался на опорах. Антон увидел, как сразу в нескольких местах песок начинает вздвигаться, а рядом со спасательным челноком наоборот – растет и ширится гигантская воронка. Какие-то существа, живущие в песке, собирались поглотить корабль вместе с людьми.

Не медля больше ни секунды, Антон рванулся вперед. Он полагал, что сейчас окажется в темноте, но, едва вбежал под тень пирамиды, мрак таинственным образом рассеялся. Мягкий свет исходил, казалось, со всех сторон одновременно. Антона окутала прохлада и такой бесконечный покой, словно он принял сразу шесть таблеток успокоительных стимуляторов. Ощущение и вправду было очень похожим. Антон даже растерялся в первый момент. Потом внушаемая ему легкость сделала его сознание ясным, а все случившиеся с экипажем «Семаргла» ужасы показались далекими и нереальными. Антон двинулся по коридору, ведомый приятным чувством – он поступает именно так, как следует. Он точно знал, что должен идти вперед, вне зависимости от того, что происходит на поверхности. Теперь его больше не интересует пустая суета. У него есть цель.

Подземный ход оставался ровным, а стены выглядели такими гладкими, что у Антона возникло ощущение, будто он превратился в лилипута и находится внутри искусственно созданной трубы-четырёхгранника.

На стене можно было различить витиеватый узор – вязь инопланетной письменности или плод трудов вездомного художника. Антон поразмыслил немного над узором и решил, что это все же письмена. Он понял, что при желании сможет даже их прочесть, но отчего-то решил этого не делать. Знание о подземном коридоре, ведущем куда-то в самые недра земли, откуда-то имелось в его сознании. Но теперь эта странность больше не внушала Антону опасений. Он был совершенно спокоен и даже умиротворен. Так чувствует себя космопроходчик, вернувшийся домой из долгого плавания.

Вскоре гладкий коридор завершился выходом в обширный зал, так непохожий на четырёхгранник искусственного происхождения. Потолки в зале были высокими, а стены неровными, словно их вырубали киркой в сырой земле. Через зал протекал быстрый ручей. В про-

зрачной воде резвились серебристые рыбки, лежали розовые камешки. Вода, как и стены, светилась, будто сама по себе. С потолка до самого пола свисали прозрачные ледяные колонны. Они не таяли, хотя холода Антон не чувствовал. Может быть, его тело обманывало его так же, как обманывал разум, и здесь действительно царит минусовая температура. Открывшееся перед ним зрелище было настолько неожиданным, что в первый момент человек опешил и остановился, не зная, что предпринять. Он с сомнением обернулся назад на гладкий коридор – не вернуться ли, но потом нерешительность отхлынула, уступив место барбитуратовой удовлетворенности жизнью, и Антон двинулся вперед. Перепрыгнул через ручей, обошел несколько особенно толстых колонн и вдруг увидел в отдалении какое-то инопланетное существо. Оно стояло на коленях возле одной из неровных стен. Существо качало из стороны в сторону крупной угловатой головой. Размером инопланетянин был не больше человека, да и внешне напоминал гуманоида. Две руки, две ноги... Существенное отличие составлял только длинный хвост, лежащий на земле, мохнатое тело, странное уплотнение на лбу, вроде шишки, и некоторая несуразность фигуры – толстый живот, словно у любителя пива, слишком большая голова и по-птичьи выгнутая грудь. Инопланетянин стоял на коленях, и вся его поза отражала собранность и сосредоточенность... Потом движения головы стали замедляться, пока не прекратились вовсе. На сером лице распахнулись желтые глаза и уставились на человека. Взгляд инопланетянина был исполнен внимательного интереса к визитеру.

От неожиданности Антон вскрикнул, скинул с плеча автомат и направил на незнакомца. Палец подрагивал на курке, но выстрелить человек не решался. Ведь инопланетянин не предпринимал никаких враждебных действий и намерений.

«А если проявит, – подумал Антон, – не будет ли уже слишком поздно?»

– Ты все понял правильно! – сказал инопланетянин.

Губы его не двигались, и все же Антон мог бы поклясться, что существо заговорило с ним, его пронзил мгновенный укол ужаса и понимания, что все это время они каким-то образом были связаны. Они и сейчас мыслили, словно в унисон. И это чувство было странным и пугающим.

– Опустит оружие! – проговорил голос в его голове, и Антон понял, что речь идет об автомате. – Ты кто?

– Я? – вслух спросил Антон, немало удивившись. – Это ты кто такой и откуда здесь взялся?

Инопланетянин фыркнул и взмахнул длинным хвостом.

– Кто я такой? Заявляется какое-то инопланетное животное и спрашивает меня, кто я такой? Я здесь давно. Мне поклоняются все живые существа на этой планете, все животные, обитающие вокруг на много дней пути. Я хозяин, я повелитель! И в то же время я простой солдат великого ретлианского воинства. А вот откуда появился ты, неизвестное существо? Кто ты?

Антону пришлось задуматься, чтобы ответить на этот вопрос.

– Я с далекой планеты, – наконец сказал он и тут же понял, насколько глупо прозвучали его слова. – Явился с визитом дружбы, так сказать! – попробовал исправиться Антон. – Рядом с твоей пирамидой стоит наш челнок, на него нападают местные твари. Если ты можешь... если бы ты мог заставить их не убивать людей... я был бы тебе очень признателен... я...

Тут Антон ощутил, что челнок и все, происходящее наверху, его совсем не волнует. Он рассказывал инопланетянину о событиях этого дня и в то же время большой душевной потребности спасать своих товарищей не испытывал. Словно одновременно был Антоном и кем-то еще, кто наблюдает за ним со стороны, с интересом и сомнением. Испугавшись странной раздвоенности своего разума, он замолчал.

– Я внимательно слушаю тебя, пришелец! – сказал хвостатый.

– Одним словом, там семь человек... Или восемь? Сколько нас всего? Кияшов же и переключку устраивал... – сбивчиво заговорил Антон. – Не мог бы ты нам помочь? Мы в очень тяжелом положении. Нам нужна помощь.

– Помощь? – удивился инопланетянин. – А почему вы думаете, что вам нужна моя помощь? Помощь – это понятие, свойственное святым по духу... Вы хотите, чтобы я – властитель этого мира, единый с большинством, сознался в святости. Святость – понятие индивидуалистов. А индивидуалистов мы презираем.

Теперь хвостатый уже шевелил губами, старательно выводя звуки. И, хотя звуки не всегда совпадали со смыслом слов, Антон начал сомневаться – не ошибся ли он в прошлый раз, когда решил, что инопланетянин говорит с ним мысленно? Может быть, он просто хороший чрево-вещатель? В самом деле, почему бы речевому аппарату не располагаться у него где-нибудь в чреве или в грудной клетке?!

– Разумные существа должны помогать друг другу, – проговорил Делакорнов.

– Помогать с целью обрести сообщество? – спросил инопланетянин.

– Нет, при чем тут сообщество, но вот, если ты, например, поможешь мне, я помогу тебе.

– Союз? – удивился хвостатый. – Ты предлагаешь мне союз? Любопытно! Но что, если ты обманешь и не поможешь мне? Если, наоборот, навредишь? Как я смогу жить с осознанием этого...

– Не наврежу, – пообещал Антон. – У нас такие люди славные в этом челноке собрались! Один Кияшов чего стоит! А Яловега! Вот сволочь так сволочь! И Новицкий... – Делакорнов замолчал, осознав, что ему самому большинство людей, находящихся сейчас в челноке, отнюдь не кажутся слишком хорошими. Даже у миролюбивого Химеля имелись серьезные недостатки. – Но там есть девушка, – нашелся он, – Инна. Ее-то надо спасти?

– На борту самка? – переспросил инопланетянин.

– Ну да! У вас же, наверное, тоже принято беречь самок от беды?

Хвост инопланетянина выписывал на полу причудливые фигуры.

– Что за странная идея, – проговорил он, – беречь самок. Зачем? Самки сами могут о себе позаботиться...

– Скажи своим монстрам, чтобы они не лезли к челноку! – попросил Антон, чувствуя, что найти с инопланетянином общий язык будет не так-то просто.

– Они давно уже не лезут, – усмехнулся тот. Его сухие, тонкие губы растянулись в довольно жуткой усмешке. – Зачем им лезть?

Делакорнов похолодел.

– Все наши погибли?! Они их растерзали?!

Инопланетянин отвернулся, подошел к ручью, намочил в воде хвост и облизал его. Потом намочил опять, протянул Делакорнову. Антон воспринял этот жест, как должное, и собрался уже облизать кончик хвоста, но потом его осенило, что это ненормально, и он сплюнул на пол, с трудом сдерживая тошноту.

– Я думал, ты хочешь пить, – пояснил инопланетянин. – Ты же увечный, без хвоста... Как тебе пить?

– Вот так, – заявил Делакорнов, опускаясь на колени и припадая к холодной воде губами.

– Так пьют только животные, – заметил хвостатый. – Теперь я верю, ты, действительно, с очень далекой планеты. И живут там, должно быть, одни дикари. Пьешь, как скотина, хоть и разговариваешь довольно связно... Правда, логика в твоих словах прослеживается плохо. Остальные особи такие же бестолковые?

– Что с моими друзьями? – рассердился Антон. – Если с ними что-нибудь случится, тебе, хвостатый, не поздоровится!

Все-таки у него был автомат, а эта тварь, хоть и местная, безоружна. И нечего протягивать к нему грязный хвост!

– Надеюсь, ты скоро все узнаешь, – ответил инопланетянин. – Когда узнаешь, приходи. Мне почему-то не кажется, что все они – твои друзья... Ведь друг – это часть тебя. Друзья вступают в союз. Друзья оказывают друг другу помощь. И помни, я не хвостатый. Я – ретлианец. Для меня союз – священен.

Похоже, понятие святости было основным в сознании обитателя пирамиды. Культовое сооружение, соответствующий лексикон его обитателя... Нереальная обстановка, искаженная действительность, разговор с представителем чуждой расы, да и странные проблески чего-то недоступного в сознании – все это делало происходящее похожим на сон.

Хвостатый сел на прежнее место возле стены, закрыл глаза и погрузился в дремоту.

Антон вдруг ощутил беспокойство. Вновь пришла тревога, страх за оставшихся в челноке людей. Сможет ли он помочь им? Послушают ли они его?

Взяв автомат на изготовку, приклад у плеча, палец на спусковом крючке – так, чтобы можно было выстрелить в любую секунду, Антон двинулся в обратный путь наверх. Уходить из подземелья не хотелось. Наверху было неуютно и страшно, царил хаос, метались тени сфидерапсов, атаквали хранты, плевались ядом аранобии. А внизу – тишина и покой, ручей несет прозрачные воды, царит прохлада, и воздух свеж, словно находишься не под землей, а в тенистом лесу...

С каждым шагом тревога Делакорнова возрастала. Каждый шаг давался с трудом. Казалось, в любой момент из-под высокого потолка на него может упасть сфидерапис, из-за угла – вынырнуть зубастая тварь. И, хотя по мере продвижения вперед в пещере становилось все светлее, на душе у молодого человека сгущался крошечный мрак. И это состояние тоже напоминало ему давно испытанное в прошлом. Так бывает, когда рассеивается амфетаминовый туман, и ты вдруг оказываешься один на один с миром – опустошенный, с ощущением собственной слабости и ущербности...

Сверху до него долетели подозрительные звуки. словно шелест гравия под чьей-то богатырской поступью, а еще приглушенные вскрики, пыхтение... Как же ему хотелось сейчас вернуться обратно, к голубому ручью, под спасительные, узкие своды подземелья, в покой и негу! Но Делакорнов оставался тем же идеалистом, каким его всегда считали окружающие, – упорно лез вверх, полагая, что сможет помочь товарищам, вооруженным гораздо лучше, чем он.

Вскоре впереди показался ярко-белый квадрат выхода. Антон прикрыл глаза от слепящего света и вдруг увидел на стене длинную тень. Несоразмерно вытянутые конечности, маленькая голова... Странное существо что-то сжимало в руках. Скорее всего оружие!

Уж если простые зубастые монстры здесь могли перекусить пополам вертолет или повредить обшивку космического челнока, что говорить о вооруженных, разумных тварях? Это – точно конец. «Слома голову бежать в подземелье!» – первая мысль, пришедшая в голову Антона. Но вдруг их не остановит и спасительное подземелье...

Фигуры инопланетных «командос» еще не появились, и на прицел он их взять не мог. Зато постарался устроить побольше шума, чтобы напугать неизвестных. И может быть, вызвать обвал, который отгородит его от страшных пришельцев. Антон сжал зубы, выдохнул воздух и закричал:

– Умрите, гады!

После чего дал из автомата очередь в гладкий свод подземелья впереди. Однако искусственному коридору, казалось, все было нипочем.

В ответ на выстрелы послышались разноголосые крики, улюлюканье, визг. Стены пещеры вдруг содрогнулись, словно началось землетрясение, по коридору навстречу Антону покатилась волна огня. Нестерпимый жар дохнул в лицо молодого человека. Он упал на гладкий пол и закрыл голову руками.

Понятно, что против такой мощи ему не выстоять даже с лазерным автоматом... Особо если ты механик, а не космодесантник. Правда, навряд ли хотя бы одному космодесант-

нику довелось встретиться с такими чудовищами, как это выпало на долю экипажа корабля «Семаргл». А эти еще и носят оружие. «Может, они решили взять меня живым? – подумал Антон. – Не уверен, правда, что такое развитие событий будет лучше. Вдруг они захотят ставить надо мной какие-нибудь эксперименты? Что, если это просто инопланетные вивисекторы, изучающие разные формы жизни? Тогда уж лучше бы просто пристрелили».

Шаги слышались уже рядом. Поднять голову – и можно увидеть существ, чья тень повергла его в ужас. Но вставать он не собирался. Лучше дождаться, пока они подойдут поближе, – и тогда вскочить и обрушить на них всю мощь лазерного автомата.

От выхода раздался грозный рык:

– Хотел бы я знать, где этот урод?

– Его сожрали, наверное! – фальцетом запищал высокий, пронзительный голос. – И всех нас сожрут! И зачем мы сюда полезли?

«Да это же наши», – понял Антон, он поднял голову и закричал:

– Ребята! Это я! Я здесь!

Спасло его только то, что «ребята» на мгновение растерялись. Шипение, гром ударов... Байрам Камаль вогнал в ствол фотонного излучателя очередную капсулу. Магнитными полями в ней удерживалось антивещество, при аннигиляции которого и происходило высвобождение высокоэнергетичных фотонов.

– Это я! Я! Не стреляйте! – заорал Антон, стараясь делать как можно меньше движений.

– Эй, да это же Делакорнов! – крикнул Яловега. – Живой, кажется...

– Как же так получилось, что тебя не съели?! – раздался над головой Антона грозный рык Кияшова. – Странно это... Очень странно!

– Я от этих гадов сюда спрятался, – проговорил Антон. – И вас звал, между прочим! Как чувствовал, что тут можно укрыться.

– Ты как чувствовал, значит, – эхом отозвался Байрам Камаль, – любопытный раскладец получается...

– Какой еще такой раскладец? – возмутился Антон. – Я тварей увидел и сюда, под пирамиду, забежал.

– Эти гады, – прорычал Кияшов, – ты хотя бы знаешь, что произошло наверху, покуда ты тут в безопасности отсиживался?

– Что? – переспросил Антон. По лицам остальных он понял, что произошло что-то очень и очень нехорошее. – Я же не отсиживался. Я же производил разведку.

– Разведку, – проворчал Кияшов. – Прямо из земли какая-то штука выдвинулась, так мы даже сделать ничего не успели...

«Клешни, – вспомнил Антон, – черные клешни».

– Закрылись только и ждать стали, дураки. Думали, пересидим... Хорошо, хоть из корабля успели выскочить, когда она его корезить начала... Фуф, веришь ли, как вспомню, так дрожь до самых пяток пробирает.

– Не все успели, – заметил Байрам Камаль.

Антон молчал, желая дослушать историю до конца.

– Инна Лазуренко не успела, – продолжил разведчик. – И доктор Химель тоже.

– Еще бы! – выкрикнул Сумароков. – Еще бы они успели, когда вы все у люка толкались. Да вы вели себя как сумасшедшие, вы их просто затоптали! И меня бы затоптали, не проскользни я в люк первым...

– Инна осталась там? Как же так? – Антон никак не мог поверить в происшедшее. – Как же так получилось?

– Да уж вот так вот, – проворчал Кияшов, – ну и Новицкий тоже погиб, конечно. Мы-то, не будь дураки, от челнока подальше отбежали. А он, кретин, давай героя из себя корчить, схватил автомат на изготовку, да и ну по этим штукам из земли торчащим да по гадам в небе

палить. А потом, когда от корабля уже одни железки остались, вцепился в одну из железок. Все орал: «Не отдам вам челнок, мы обратно на нем полетим!» Тут-то ему как-то и пришел. Его один гад крылом задел. Крылья у них, сам видел какие, распороли ему брюхо. По-моему, напрочь распороли. Рубаха, во всяком случае, разведалась по ветру, когда один из крылатых его в клюв схватил и потащил куда-то...

– Сфицерапс? – уточнил Антон.

– Какой еще сфицерапс? – с подозрением поинтересовался Байрам Камаль. – Кто такие сфицерапсы, Антоша? Может, ты нам расскажешь?

– Твари такие... с крыльями, – неуверенно проговорил Антон. – Они сфицерапсами называются.

– А почему ты их так называешь? Можешь мне по секрету поведать?

– Не знаю, – замялся Делакорнов. – Придумалось как-то название...

– Придумалось? – заинтересовался разведчик. – Это хорошо, когда фантазия работает.

А у меня вот в последние несколько дней, веришь ли, вообще ничего не придумывается... – Он развел руками. – То есть совсем ничего!

– Ничего хорошего, наверное, – уточнил Яловега, – а на плохое-то у нас у всех голова отлично работает.

Байрам Камаль посмотрел на него сурово.

– Как челнок весь они по частям забрали, и Новицкого в придачу, вся туча собралась и улетела куда-то, – сообщил Кияшов. – А ты еще говорил, что они людей не едят... Зачем им тогда Новицкий нужен? Да и Химеля с Инной они с собой захватили. То, что от них осталось. Так я думаю. Да они вообще все растащили, все железки, какие от челнока остались. Может, они и железками тоже питаются...

– Лекцию об их цепочке питания прочитать теперь некому! – ехидно заметил Яловега. – Все биологи нас покинули... Ушли от нас навеки, как говорится. Так что эти твари теперь не знают, как себя вести, и стали всеядными. И людей, и железки уплетают за милую душу.

Комментарии старшего механика достали уже всех. Однако приструнить его ни у кого не возникло желания.

– Мы думали, тебе давно амба настала... – обратился к Антону Сумароков. – А ты живой и невредимый...

– Вот именно, невредимый, – с подозрением разглядывал Делакорнова Байрам Камаль, – ключевое слово – невредимый. И как такое могло получиться? Не объяснишь?!

– Если бы вы сразу пошли за мной, и с остальными все было бы нормально. Нужно было меня слушаться! Между прочим, я тут встретил разумного инопланетянина! – выпалил Антон. – Он там, внутри пирамиды, сидит!

Уцелевшие члены экипажа звездолета «Семаргл» уставились на Делакорнова с явным недоверием, а Кияшов с жалостью – свихнулся парень на почве стресса и амфетаминов, чего же тут непонятного.

– Так уж и разумного, – выдавил Яловега. – Небось вся его разумность, как кусочек помягче выбрать да половчее в него зубами вцепиться... Видели мы тут разумность недавно совсем.

– Все они тут разумные. – Байрам Камаль сплюнул. – В какой-то степени. А какие цели преследуют – непонятно.

– Я говорил с ним, – сказал Антон, – и он мне сказал, что все живые существа в округе ему подчиняются. А еще он сказал, что он – повелитель этого мира. И солдат какого-то воинства...

– Что? Так и сказал? – удивился Кияшов. – Повелитель. Это что еще за ерунда? И вообще, как вы могли с ним говорить? Он же инопланетянин! По-русски – ни бум-бум, как какой-нибудь америкос из глубинки! Или ты на их языке разговариваешь, а? – Старпом нахмурился.

– Действительно, Антон, неувязочка выходит, – уже буквально источая голосом яд, проговорил Байрам Камаль.

– Ведь это многое объясняет, – вмешался Сумароков. Вид у него сейчас был такой, словно он находится на грани умопомешательства. – Мы видели, что действуют они слаженно, не кидаются всем скопом, а окружают, организуют атаку. Я такое по стереовизору видел. Там много тварей было. А на самом деле – одно целое. Муравейник. Вот!

– Единый живой организм? – уточнил Байрам Камаль.

– Ну да, – кивнул Коля. – Может, ими кто-то управляет. Матка. Как в термитнике. Вот он с маткой и общался. Я такое по стерео видел... И в школе мы учили. Я на кружок по биологии ходил...

– Еще один биолог нашелся! – хмыкнул Яловега. – А я думал – нету среди нас больше биологов. Делать тебе, что ли, больше нечего было? На кружок по биологии ходить... Я в детстве только и делал, что в Quake 13 резался с ребятами...

Вспомнив школу и биологический кружок, Сумароков в очередной раз всхлипнул. Да, кто из нас мог подумать, что биологические существа окажутся такими неприятными? Хорошо быть царем зверей, властелином лесов и полей. Но, окажись на месте обыкновенного серого зайца, – и сразу поймешь, что такое дикая природа.

– Ты что-нибудь смотришь еще, кроме стерео? – осведомился у Сумарокова Кияшов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.